



К 75-летию начала
Великой Отечественной войны
1941-1945 гг.

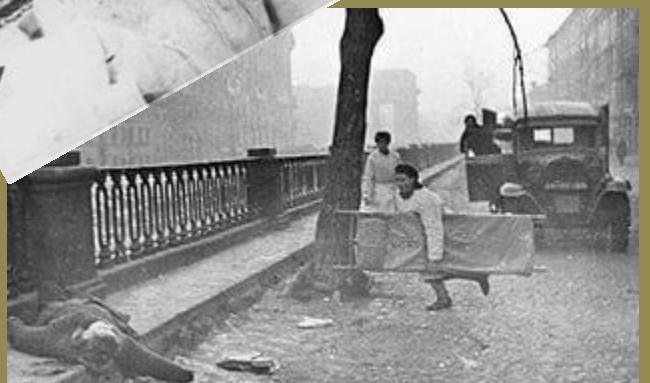
Проф. А.М. Ногаллер



ВОСПОМИНАНИЯ ВРАЧА
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941 – 1945 гг.



Рязань, 2016





**К 75-летию начала
Великой Отечественной войны
1941-1945 гг.**

Проф. А.М. Ногаллер

**ВОСПОМИНАНИЯ ВРАЧА
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941 – 1945 гг.**

Рязань, 2016

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Рязанский государственный
медицинский университет им. акад. И.П. Павлова»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава)

**Посвящается
75-летию начала
Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.**

Проф. А.М. Ногаллер

**ВОСПОМИНАНИЯ ВРАЧА
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941 – 1945 гг.**

Рязань, 2016

УДК 61 (092)

ББК 5 г

Н 767

Н 767 Ногаллер А.М. Воспоминания врача о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. / А.М. Ногаллер; под ред. д.м.н., проф. Р.Е. Калинина, д.м.н., проф. В.А. Кирюшина, Н.А. Козеевской; ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России.- Рязань: РИО РязГМУ, 2016.- 85 с.

© Ногаллер А.М., 2016

© ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	5
Первые месяцы Великой Отечественной войны	8
Разгром немецко – фашистских войск под Москвой и контрнаступление Красной Армии	15
Танковое сражение на Орловско - Курской дуге	22
Освобождение от немецко - фашистской оккупации Украины и Молдавии	30
Бои в Польше	38
Взятие Берлина и окончание войны	48
В послевоенной Германии	63
Послевоенные встречи ветеранов. О друзьях - товарищах	71

ОБ АВТОРЕ



Ногаллер Александр Михайлович – доктор медицинских наук, профессор, член Нью-Йоркской академии наук и Международной академии информатизации, гвардии майор медицинской службы

Родился 22 мая 1920 года в городе Харькове. С 1921 года проживал в Москве, где в 1937 году с отличием окончил полную среднюю школу, а в 1941 году - 1-й Московский медицинский институт им. И.М. Сеченова (ныне университет).

Во время учебы в мед. институте был круглым отличником, активно занимался в студенческом научном кружке, был удостоен Сталинской стипендии. В связи с началом войны А.М. Ногаллеру и всем его сокурсникам досрочно была присвоена квалификация врача.

С начала октября 1941 года и до окончания Великой Отечественной войны находился в Действующей армии, вначале в должности старшего врача истребительного противотанкового артиллерийского полка (703 ИПТАП 5-й Армии), затем - начальника отделения армейского хирургического полевого подвижного госпиталя (180 ХППГ 2-й танковой Армии), пройдя путь от Москвы до Берлина.

После демобилизации работал научным сотрудником в клинике института питания АМН СССР в Москве, а затем в Эссентукской клинике Пятигорского Бальнеологического института (1951 - 1959 гг.).

В 1947 году по материалам войны в 1-м Московском мед. институте им была защищена кандидатская диссертация на тему «Проникающие ранения грудной клетки», а в 1960 году - докторская диссертация на тему «Хронический холецистит и его курортное лечение».

За 75 лет своей лечебно - практической деятельности лечил или консультировал тысячи больных и раненых, многим людям спас жизнь.

В 1959 году был избран зав. кафедрой внутренних болезней и терапевтической клиники Астраханского медицинского института, а в 1967 году - заведующим терапевтической кафедрой Рязанского мед. института имени И.П. Павлова.

По семейным обстоятельствам в 1996 году переехал в Германию, в настоящее время живёт в городе Мюнхен.

В научном аспекте А.М. Ногаллер разрабатывал, преимущественно, вопросы клинической гастроэнтерологии, диетологии, курортологии и аллергологии. Особенно много внимания А.М. Ногаллер с сотрудниками уделял разработке вопросов диагностики и лечения пищевой аллергии. Результаты этих исследований обобщены в монографиях «Аллергия и хронические заболевания органов пищеварения» (М.: Медицина, 1975. 227 с.), «Пищевая аллергия» (М.: Медицина, 1983. 192 с.), «Аллергия к пищевым продуктам» (Красноярск:

Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 253 с.), «Пищевая аллергия и непереносимость пищевых продуктов» (М.: Медицина, 2008. 336 с.), «Хранительна непоносимост и хранительна аллергия» (София: Медицина и физкультура, 1978. 279 с.), а также во многих научных статьях в отечественных и зарубежных журналах. В последние годы занимается историей медицины. Автор 22 книг и более 500 научных статей.

Многие тысячи бывших студентов проф. А.М. Ногаллера за его почти сорокалетнюю педагогическую деятельность стали в дальнейшем лечащими врачами, организаторами здравоохранения, научными работниками. Среди его 37 диссертантов, восемь человек стали профессорами, докторами медицинских наук, возглавлявшими клиники и кафедры, создавая и развивая свои научные направления и школы.

Среди диссертантов А.М. Ногаллера можно назвать профессоров Е.П. Куликова, М.А. Бутова, А.А. Низова в Рязанском медицинском университете им. акад. И.П. Павлова.

В книге приведено много фотографий, как оригинальных авторских, так и заимствованных из сети Интернет.

Книга представляет интерес не только для студентов и врачей, но и для широкого круга читателей.

Д-р мед. наук, профессор,
зав. кафедрой онкологии
с курсом лучевой диагностики ФПДО
Куликов Е.П.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В 2015 году Россия широко отметила 9 мая – День Победы в Великой Отечественной войне, важнейшее событие в мировой истории. Значительно меньше внимания в прессе было уделено трагической дате начала войны – 22 июня 1941 года. Начало войны и первые ее месяцы хранятся у меня в памяти уже почти три четверти века. Как поётся в известной песне, «22 июня ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Объявление по радио диктора о начале войны звучит у меня в ушах до сих пор.

В начале июня 1941 года вместе с группой студентов 1-го Московского медицинского института им. И.М. Сеченова я был на летней практике после окончания 4 - го курса в районном городке Зарайске. Уже почти два года велась Вторая мировая война и в СССР проводилась подготовка к возможному военному нападению в виде занятий по МПВО (местная противовоздушная оборона), включавшая, в том числе, и мероприятия при объявлении воздушной тревоги. Во время летней студенческой практики мы много работали в хирургическом отделении местной больницы. В ночь с 20 на 21 июня по радио была объявлена воздушная тревога. Мы быстро оделись и побежали в операционную. Вскоре раздался сигнал отбоя и мы вернулись в свои постели в общежитии.

В ночь с 21 на 22 июня вновь раздался сигнал воздушной тревоги, и меня разбудил сосед со словами: «Вставай скорее, тревога!». Сквозь сон я пробормотал, что вчера уже была тревога, на что он ответил: «Нет, это не учебная, а настоящая тревога, началась война!». В тот же день, 22 июня, с обращением к советскому народу выступил по радио председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов, а 3 июля – И.В. Сталин.

Говоря о коварном нападении врага и о вынужденном временном отступлении Красной Армии, Сталин вселил надежду на скорую победу, сказав, что еще несколько месяцев, может быть - год, и фашистская Германия рухнет под тяжестью совершённых ею преступлений. Никто не думал, что война продлится четыре года и цена Победы будет столь высокой.

Вскоре нас вызвали в Москву для продолжения занятий в институте. Наши занятия на пятом, последнем тогда курсе продолжались всего три месяца. Когда немецко - фашистские войска

оказались на подступах к Москве, нам досрочно, без всяких госэкзаменов, по приказу Наркома здравоохранения СССР выдали дипломы об окончании института и присвоении звания врача.

В довоенное время дети поступали в первый класс школы с восьми лет. Но меня родители отдали в школу в семь лет. Возможно, это, казалось бы, незначительное обстоятельство спасло мне жизнь, ибо, когда началась война, я был уже с высшим медицинским образованием. Многие из моих одноклассников не успели получить высшее образование и оказались на войне в должностях младшего командного состава или рядовыми.

Посещение лекций и практических занятий в институте было до войны строго обязательным. С начала войны можно было пропускать занятия, ибо многие студенты вынуждены были работать или дежурить во время воздушных тревог. Налёты вражеской авиации чаще осуществлялись в ночное время. Нам приходилось дежурить на крышах домов в ожидании падающих зажигательных бомб.

Специальными металлическими щипцами их надо было вовремя схватить и потушить в ящике с песком, который также обычно стоял на крыше. Иногда бомбежка продолжалась всю ночь, а утром надо было идти на занятия. Так было в первый месяц войны, а затем фашисты стали сбрасывать, преимущественно, фугасные бомбы и тогда по сигналу воздушной тревоги надо было идти не на крышу дома, а в бомбоубежище, в ближайшую станцию метро или обычный подвал, более или менее приспособленный для ночлега. Люди тащили с собой раскладушки, одеяла, детские коляски, подушки. С наступлением темноты окна в квартирах тщательно завешивались, чтобы вражеские лётчики не видели жилых домов. Спустя месяц противовоздушная оборона Москвы укрепилась, и фашистские налеты почти прекратились.

2 августа 1941 года я с Миррой (Марианной) Медовой оформил брак. Я был в нее влюблен еще с первого курса, и мы вместе были на летней практике. В это время в стране была уже введена карточная система на продукты и одежду, но нам удалось отметить бракосочетание, купив по порции мороженого, которое еще продавалось свободно.

Как-то на одной из улиц к нам подошла цыганка и предложила погадать по руке. Мне она нагадала долгую жизнь, а жене сказала



общие фразы о радостях и трудностях в жизни. Мы ей не поверили, т.к. уже шла война, а мне вскоре предстояло отправиться на фронт. Но предсказание цыганки оправдалось: я прожил долгую жизнь, а жена тяжело заболела после выхода на пенсию в 57 лет и умерла довольно рано.

А.М. Ногаллер с Миррой (Марианной) Медовой

В действующую армию в западном направлении от Москвы я попал в начале октября на должность старшего (и единственного) врача артиллерийского полка.

Под натиском превосходящих сил противника наши войска были вынуждены отступать в сторону столицы. Отступление шло с упорными боями. Орудия нашего полка били прямой наводкой по танкам, продвигавшимся вдоль шоссе. Противотанковых орудий и ПТР (противотанковое ружье) не хватало. Нередко пехотинцы поджигали наступающие танки, бросая в них бутылки с зажигательной смесью.



А.М. Ногаллер, врач артиллерийского полка

Не только в кино, но и в жизни было множество героических поступков, когда бойцы, имена которых часто остались неизвестны потомкам, жертвовали своей жизнью, чтобы не пропустить врага к столице. Они бросались под танки со связками гранат в руке или обвязывали себя гранатами и погибали вместе с горящим танком. Мы отступали вместе с пехотными частями от города Можайска до станции Кубинка. Это было, пожалуй, самое трудное время.

Вспоминаются слова санинструктора медсанчасти полка Семена Мазнева о том, что «...кто не пережил отступление, можно считать, и не был на войне...». Во время одного из боев с наступающими

немецкими танками наш полк потерял половину личного состава и орудий. Как мне рассказывал впоследствии бывший начальник штаба полка Афанасий Степанович Антоненко, командира полка капитана В.Н. Иванова после этого боя хотели привлечь к суду военного трибунала, но пожалели.

А закончил войну Василий Николаевич Иванов в чине генерал-майора и со званием Героя Советского Союза.

Незадолго до начала войны нарком обороны К.Е. Ворошилов сказал, что у нас есть, что защищать, кому защищать и чем защищать. Мне пришлось слышать солдатский юмор, когда к выступлению К.Е. Ворошилова были добавлены слова «... и есть, куда отступить».



Василий Николаевич Иванов

В одном из боев был ранен командир орудия А. Винокуров. У него были множественные осколочные ранения грудной клетки и конечностей. После оказания первой помощи быстро удалось отправить его в ближайший медсанбат. Далее его отправили в полевой армейский госпиталь и в глубокий тыл. Я встретился с ним случайно в 1950 году, когда работал в клинике Института Питания в Москве. Александр Винокуров поступил в нее для лечения язвенной болезни. Он рассказывал мне, что ранения мягких тканей зажили относительно быстро, но один из осколков повредил позвоночник и спинной мозг, вызвав расстройство тазовых органов и паралич обеих ног. Пять долгих лет он был прикован к постели и не мог ходить. Несмотря на тяжелое ранение и недавно развившееся заболевание, он не упал духом.

До войны Александр успел закончить десятилетку и кратковременные артиллерийские курсы. Лежа в постели, он начал углубленно изучать историю и философию, заочно сдал экзамены по всем предметам за университет, затем успешно защитил кандидатскую диссертацию. Ко времени нашей повторной встречи он медленно передвигался на костылях, водил машину, работал преподавателем философии в Московском университете. Не только «в здоровом теле – здоровый дух», но, и, наоборот, при сильном духе здоровеет тело.

Хорошо известна книга «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого о безногом летчике Алексее Маресьеве. Подобных случаев «настоящего

человека», когда люди преодолевали свое увечье после ранения и добивались намеченной цели, мне приходилось встречать немало в годы войны и вскоре после нее.

К этому времени, как я уже упоминал, на нашем фронте появились первые реактивные пушки, установленные на грузовиках, – знаменитые "Катюши". Зрелище действительно яркое, когда вылетают как бы по рельсам сразу 6-10 снарядов. "Катюши" приезжали на передовую, отстреливались и уезжали в тыл, чтобы это строго засекреченное оружие не попало в руки врага. Весь экипаж орудия состоял тогда только из проверенных офицеров. У немцев тогда не было подобного вооружения. Реактивные снаряды типа "Фауст" у них появились лишь к концу войны. При теперешнем развитии электронного и атомного оружия "Катюши" кажутся детской забавой, но тогда они производили на наших бойцов сильное впечатление, внушали нам надежду на скорую победу, а на врагов нагоняли страх.

6 декабря 1941 года Совинформбюро сообщило о начале контрнаступления наших войск. По всей огромной линии фронта, но преимущественно с флангов, окружавших Москву, началась артиллерийская подготовка, усилились налеты нашей авиации на вражеские позиции, а затем и продвижение вперед пехотных частей. Немцы вынуждены были отступать, но происходило это очень медленно, после тяжелых боев. Враг стремился удержать каждый опорный пункт, деревню, речушку. Каждое продвижение наших войск стоило больших жертв. Усилился поток раненых. Нашему полковому медпункту приходилось работать очень напряженно, производить обработку ран, накладывать повязки, вводить противостолбнячную сыворотку и обезболивающие вещества (морфий, пантопон).

Большие трудности были с эвакуацией раненых и доставкой их в ближайший медсанбат. Часто приходилось останавливать попутные машины, идущие налегке в тыл. Здесь уже не разбирались кто «свой», а кто «чужой», т.е., не из нашего полка. К концу декабря на нашем участке фронта наступило затишье.

В середине октября наступление немецко - фашистских войск было приостановлено. Я хорошо помню, как командный состав полка выстроили на опушке леса и зачитали приказ Верховного главнокомандующего И.В. Сталина. В нём говорилось о вынужденном отступлении Красной Армии и подчеркивалось, что дальше отступать

нельзя. Лозунг «Ни шагу назад!» стал тогда руководящим девизом нашей армии.

Было ликвидировано двоеначалие, когда командир и комиссар (полка, дивизии, корпуса) обладали равными правами. После реорганизации структуры Красной Армии в октябре 1941 года командир отвечал за проведение боевых операций, а комиссар был переименован в замполита и отвечал лишь за идейно - воспитательную работу военнослужащих.

Были созданы заградотряды и СМЕРШ (смерть шпионам), что предотвращало необоснованные отступления и дезертирство. В войсках появились современные винтовки и ППШ (пистолет - пулемёт Шпагина). Вместо кубиков и шпал на петлицах появились погоны с разными размерами и количеством звёздочек в зависимости от воинского звания. В Красной Армии ввели дореволюционные звания: сержант, лейтенант, майор, полковник, генерал. Командный состав стал называться офицерами, и это не отождествлялось в сознании людей с белогвардейскими офицерами времен Гражданской войны. Звание воентехник, военврач были заменены едиными воинскими званиями с указанием лишь рода войск.

Мне вместо звания военврач 3 ранга и шпалы на петлицах присвоили звание капитана медицинской службы с четырьмя звёздочками на погонах.

А.М. Ногаллер, капитан медицинской службы



В битве под Москвой немецко - фашистская армия впервые потерпела поражение. Хотя исход войны окончательно определился после боев под Сталинградом и на Орловско - Курской дуге, эта битва имела решающее значение. Военный парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года вселил надежду на скорую победу в сердца командиров и бойцов Красной Армии.

За четыре года войны мне приходилось видеть много людей, умиравших от полученных ранений. Уже после войны, работая в клинике, я считал странным и недопустимым, что люди погибают не от ранений, а от каких - то там болезней, что нельзя предотвратить

смертельный исход. Здесь мне хотелось бы помянуть помпотеха Петропавловского (помощника по технической части полка). Я с ним дружил, иногда мы вместе посещали батареи на передовой линии фронта. Вспомнился такой случай. Подходим мы к артиллерийским батареям с пушками. Он мне говорит, что это не наша часть. Я говорю, что по лицам командира батареи или рядовых можно отличить, а 76 - мм пушки все одинаковые. «Нет,- говорит он, каждое орудие имеет свои особенности, это ещё не наш полк». Мне его это замечание запомнилось на всю жизнь. Для него каждое орудие отличалось индивидуальностью, подобно тому, как лица людей имеют свои особенности.

После войны я навещал Петропавловского в гостинице «Метрополь», расположенной в самом центре Москвы. Верхний этаж гостиницы был отдан под квартиры видным советским деятелям, каким был его отец. В один из моих визитов Петропавловский сказал, что он чувствует себя плохо из - за болей в животе и пояснице. Позднее у него был установлен рак поджелудочной железы (одна из самых злокачественных опухолей). Через 3 месяца его не стало. Петропавловский был старше меня на несколько лет, был кадровым военным, участвовал еще в Финской войне, пробыл на фронте от начала до конца Великой Отечественной войны, а умер от болезни.

Как говорят народные поговорки, «всё в руках Божьих», всё зависит от того, «под какой звездой, в какой год, месяц человек родился».

Во время пребывания на фронте было немало эпизодов, когда я мог бы погибнуть от бомбардировок, артиллерийских обстрелов, от заложенных на дорогах и в домах мин.

РАЗГРОМ НЕМЕЦКО – ФАШИСТСКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ И КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Контрнаступление Красной Армии началось 6 декабря 1941 года преимущественно с флангов. На нашем участке фронта ещё относительно долго сохранялось затишье. Личный состав полка пополнился молодыми людьми из Сибири и Урала.



Зенитная артиллерия защищает небо Москвы. Фото ТАСС



Контрнаступление под Москвой

Вспоминается, как пригласили меня на встречу Нового года в свою землянку в лесу вблизи передовой у деревни Полушкино командир 3-й батареи М.В. Мартемьянов и ее комиссар Пресняков. Я приехал туда на повозке, прикрепленной к санчасти, запряженной лошадкой. Естественно, захватил с собой имевшийся у меня спирт в небольшом, но достаточном для праздника количестве. Пресняков приготовил сибирские пельмени, и мы выпили за будущую победу. В это время, как раз в полночь, по всей линии фронта было распоряжение дать залп из всех артиллерийских орудий по позициям врага в знак нашей победы уже в предстоящем году. Завязалась кратковременная перестрелка, но вскоре все затихло, и мы продолжали свое пиршество. Вскоре позвонил командир полка, сказав, что он сейчас подъедет. Это означало, что он проверяет состояние своих подразделений. Комполка, Василий Николаевич Иванов, удивился моему присутствию здесь, отругав меня за то, что я, хоть и на передовой, но всё же не на своем месте. Теперь я понимаю, что он был прав.

В начале января 1942 г. обстановка на фронте была спокойная и представилась возможность заниматься обычными лечебно-профилактическими мероприятиями, организовать баню и стрижку бойцов. При своем отступлении немцы сжигали деревни, очевидно, не надеясь больше сюда вернуться. Поэтому приходилось располагаться, преимущественно, в лесу, в землянках. Вспоминаются заснеженные, казалось бесконечные дороги, переезды, обустройство на новом месте.

Тяжелое впечатление оставляли рассказы уцелевших жителей о зверствах фашистов, об угоне женщин и девушек на работы в Германию. К концу 1942 г. контрнаступление наших войск завершилось, угроза захвата Москвы была окончательно ликвидирована. Наши войска продвинулись на запад на расстояние от 100 до 300 км, захватили множество вражеской техники и пленных. Особенно памятны бои на знаменитом Бородинском поле, западнее Можайска. После упорных оборонительных боев оно было оставлено 18 октября 1941 г., а 20-го января 1942 г. войска пятой Армии овладели сёлами Бородино и Горки, вышли на рубеж реки Колочь. Село Бородино немцы успели при отступлении сжечь, но благодаря стремительному наступлению наших войск знаменитые памятники Отечественной войны 1812 года остались неповрежденными. После окончания войны, на Бородинском поле был установлен памятник воинам нашей пятой Армии, освободившей это знаменитое место от фашистских захватчиков. Я видел этот памятник в послевоенные годы во время экскурсии ветеранов.

Немецкие войска отступили на запад, в сторону Уваровки и Гжатска (ныне город Гагарин). Наш полк, где я был старшим полковым врачом по штатному расписанию, но фактически единственным врачом, расположился в лесу вблизи деревни Чапаевка. Медсанчасти полка в составе пяти человек удалось разместиться в одной из немногих уцелевших изб. К нашей радости мы обнаружили в избе гильзу от крупного артиллерийского орудия, которая вместе со вставленным в неё фитилем выполняла роль керосиновой, точнее, бензиновой лампы.

Вскоре, однако, в избу пришел ст. лейтенант Ковалев, который был командиром роты разведчиков нашего полка, и хотел забрать эту гильзу, поскольку она принадлежала его роте, штаб которой ранее располагался в этой избушке. Мы стали просить Ковалева оставить нам эту гильзу-лампу, убеждая его, что разведчики достанут себе другую гильзу, а медики в этом отношении беспомощны. Ковалев решил оставить нам эту гильзу, и это был поистине «царский подарок» в те времена, ибо с её помощью можно было создать относительно неплохое освещение. У нас тогда была лишь маленькая гильза от ружейного патрона. Мы называли оставленную нам лампу «Ковалёвской» или даже по созвучию «королевской». При её свете в те холодные зимние вечера можно было даже читать, ибо на фронте установилось затишье.

В феврале наши войска заняли поселок и станцию Уваровка, крупный железнодорожный узел. Однако, 19 - го февраля противник осуществил ожесточенный авиационный налет на эту станцию и поселок.

Интенсивная бомбардировка продолжалась много часов почти непрерывно. Мне приходилось оказывать помощь раненым непосредственно на улице или в палатке медсанбата пехотной дивизии, которая находилась тут же, в Уваровке. Меня удивляло, с каким мужеством женщины - врачи и медсёстры продолжали оперировать раненых, не обращая внимания на почти непрерывную бомбардировку.



Я как раз находился в палатке медсанбата, когда услышал голос санинструктора Семёна Мазнева: «Доктор, идите скорее, Ковалева ранили». Я побежал за Мазневым и увидел лежащего на снегу Ковалева. Глаза его молили о помощи.

Ст. лейтенант В.В. Ковалев

У него было тяжелое проникающее ранение в живот.

Внутренности вывалились наружу, смешались вместе кал, кровь, снег, земля. Я наложил повязку. Ковалев успел прошептать: «Доктор, спаси!», но тут же прекратилось дыхание, и исчез пульс. Никогда не забуду его застывшие глаза. Он умер у меня на руках.

Владимиру Владимировичу Ковалеву было всего 26 лет. Он успел с отличием окончить до войны Краснодарский педагогический институт, жениться, в 1939 году у него родилась дочь Людмила. Владимиру Ковалеву пришлось участвовать в финской войне, окончить специальные курсы разведчиков, но почти не довелось работать учителем. А между тем, он отличался особой интеллигентностью, высокой общей культурой и благожелательностью.

После окончания войны и «перестройки» в России судьба раскидала многих россиян по разным странам. Дочь погибшего у меня на руках В.В. Ковалёва, Людмила, в связи с замужеством переехала в Чехословакию, а автор этих строк оказался в Германии, в Мюнхене. Благодаря Интернет-журналу, нам удалось случайно установить контакт и заочное знакомство. В августе 2009 года Людмила Ковалева, дочь погибшего в Великой Отечественной войне моего однополчанина, вместе со своим старшим сыном Владимиром посетила по моему приглашению Мюнхен. Им были интересны мои рассказы об отце и дедушке, о боевых событиях 1941 года, об однополчанах, о командире полка (тогда ещё капитане, а впоследствии генерал-майоре, Герое Советского Союза) Василии Николаевиче Иванове и начальнике штаба А.С. Антоненко.

Именно за их подписью пришло в семью Ковалевых похоронное извещение. Мне же показали семейные фотографии Ковалевых, рассказали о довоенной жизни Владимира.



**Встреча в Мюнхене
А.М. Ногаллера с
Л. Ковалевой, дочерью
однополчанина**



Мы совершили прогулки по центральным площадям и улицам Мюнхена, города, где зародился немецкий фашизм, осмотрели его достопримечательности. Особо следует упомянуть Королевскую площадь (Königsplatz), где в нацистские времена находился «мемориал славы» гитлеровцев, в том числе могилы жертв гитлеровского, так называемого «пивного путча» 1923 г.

В Английском парке Мюнхена, 2009 год

День Победы 9 мая 2010 года я встречал вместе с Людмилой Ковалёвой и её сыном в Москве. Мы вместе в саду им. Баумана посетили место встречи ветеранов 2-й гвардейской танковой армии, в которой я находился в последние

годы войны.



С Людмилой Ковалёвой и однополчанином в саду им. Баумана

После ознакомления с некоторыми достопримечательностями Москвы, Людмила Ковалёва вместе с сыном Владимиром посетила могилу отца и музей памяти погибшим воинам в Уваровке.



Братская могила в Уваровке, где похоронен В.В. Ковалёв

Дружба и переписка с дочерью погибшего однополчанина продолжается и в настоящее время.

Однажды мы расположили свою санчасть в лесу в небольшой яме, накрыли ее срубленными стволами деревьев, ветками и это послужило для нас убежищем в зимнее время. Это не было, конечно, настоящей "землянкой в три наката", но построить хороший блиндаж нам вчетвером (военфельдшер Юдин, санинструктор Мазнев, шофер Земцов и я) было не по силам. Однажды по нашим позициям начался артиллерийский обстрел и один из снарядов взорвался в непосредственной близости от нашей землянки. К счастью, это не было прямым попаданием, но все же бревна обрушились, и одно из них ударило меня по голове. Контузия была довольно легкой, хотя я несколько дней плохо слышал, чувствовал небольшое головокружение и тошноту, но на такие пустяки тогда не было принято обращать внимание. Вскоре все прошло, и я даже забыл об этом происшествии, но через 10 - 12 лет стали появляться эпилептоидные приступы с судорогами и кратковременной потерей сознания (без типичного выделения слюны). Через полвека мне оформили инвалидность как последствие контузии военных лет, тем более, что небольшая вмятина и шрам на лбу у меня остались на всю жизнь.

Позднее я перенёс на ногах воспаление лёгких, которое обнаружил у меня проверявший медсанчасть полка армейский терапевт. Он направил меня для лечения в госпиталь, после которого я оказался в медсанбате стрелковой дивизии 29 - й Армии северо - западнее Москвы.



Удостоверение к медали за оборону Москвы

ТАНКОВОЕ СРАЖЕНИЕ НА ОРЛОВСКО – КУРСКОЙ ДУГЕ

Как я уже писал в своих предыдущих воспоминаниях, осенью 1942 - го года, после госпиталя я попал в медсанбат стрелковой дивизии, который был вскоре преобразован в хирургический полевой подвижной госпиталь (ХППГ 180) вновь созданной 2 - й танковой армии. Я был назначен заведующим госпитальным отделением, в котором находились наиболее тяжёлые, нетранспортабельные раненые. Пока шло формирование армии, в госпитале ещё не было раненых. На меня произвело большое впечатление и вспоминается до сих пор вечер, во время которого медицинские сёстры напевали «За окошком месяц, под окошком ветер», «Уральскую рябинушку», «Летят утки и с ними два гуся» и другие душевные русские народные песни. По сравнению с моим пребыванием на фронте в полку, работа в госпитале показалась райским местом. Повяло мирной жизнью. Но это продолжалось недолго, и вскоре наш госпиталь перебросили на Западный фронт. Эшелон с нашим госпиталем отправлялся с Белорусского вокзала, а поезд прибыл поздно вечером на Рижский вокзал Москвы. Начальник госпиталя разрешил мне сходить домой, а к 8 - ми утра быть на



Белорусском вокзале. Я с радостью, быстрым шагом отправился на Верхнюю Сыромятническую улицу, где ожидал встретиться со своей женой (Марианной Лазоревной Медовой). Она работала тогда в хирургическом госпитале и должна была быть дома. Однако, меня задержал патруль, ибо у меня не было пропуска на хождение в ночное время.

М. Медовая

До 6 - ти утра меня продержали в военной комендатуре. Когда я успел дойти до дома, уже не оставалось времени и жена решила проводить меня до Белорусского вокзала. Начальник госпиталя, Николай Григорьевич Челышев, жил в Москве недалеко от нашего дома. Совершенно неожиданно для нас, он предложил жене остаться в госпитале в качестве врача хирургического отделения. Она позвонила в свой госпиталь, сообщила, что уезжает на фронт. Позднее ей в военкомате одного из попутных городов оформили призыв в качестве военнослужащей, присвоив звание ст. лейтенанта

мед. службы. Уехать на фронт из столицы, находившейся тогда в тылу, было, несомненно, проявлением любви и преданности.

К февралю 1943 года наши войска освободили от фашистов Курск, продолжая продвигаться на запад, но Орел и Белгород оставались еще у врага. Линия фронта стала изогнутой, за что получила в дальнейшем название Орловско-Курской дуги. Командование Советской армии предполагало быстро разгромить фашистские войска после сокрушительной победы под Сталинградом и продолжало наше наступление. Железнодорожный эшелон с нашим госпиталем прибыл на станцию Поньри, где мы погрузили все свое имущество на грузовики и двинулись к месту назначения. Это была деревня Извеково Курской области. Там мы должны были развернуть свой госпиталь, ибо наша 2-я танковая армия уже вступила в бой с противником. По дороге разыгралась снежная пурга. Пришлось лопатами, руками и ногами расчищать путь машинам. В конце концов, грузовики не смогли двигаться вперед, и было решено взять с собой самое необходимое и двигаться дальше пешком. Мы отобрали перевязочный материал, инструментарий, шины, средства для наркоза и обезболивания и пошли пешком. Сегодня меня удивляет, как могли мы и молодые 17 летние девчонки – медсестры тащить на себе по 10-15 и более килограммов в пургу, по занесенной снегом дороге около 15 километров в течение 6 часов! Добравшись до деревни, мы обнаружили только несколько сохранившихся домов.

Остальные были разрушены или сожжены отступавшими немецкими войсками. Срочно стали разгребать снег, устанавливая палатки, в первую очередь, для операционной. Мне следовало организовывать палатки для госпитализации раненых. Вместе с помощниками - сестрами, санитарями укрепили на расчищенной от снега земле палатки, установили печку - бочку из-под бензина, частично настелили на брезентовый пол палатки солому, найденную поблизости. Поток раненых все усиливался, пришлось установить еще несколько палаток, в которых помещалось по 50-60 человек.

В Извеково мы простояли до весны. Планировавшееся советским командованием наступление захлебнулось. Наоборот, немцы начали развивать контрнаступление с флангов, окружив большую группировку советских войск и, тем самым, стремясь взять реванш за поражение под Сталинградом. Поэтому бои приняли особенно ожесточенный характер, а раненые поступали днем и ночью на повозках, машинах, пешком и даже на танке, когда ранили одного из командиров.



С медицинскими сестрами в полевом госпитале. Зима 1943 г.

(В центре – А.М. Ногаллер)

В мою обязанность входило, прежде всего, сортировать поступающих раненых - кого в первую очередь в операционную, кого оставить на месте, а кого можно отправить дальше в тыл, что представляло большие трудности из-за невозможности регулярной эвакуации. Вследствие возникшей угрозы окружения группировки наших войск и отсутствия транспорта, в госпитале скопилось до 600-800 человек. Мест в палатках не хватало. Умерших тут же выносили, а трупы складывали на морозе на окраине нашего же палаточного городка. Помогали мне не только немногочисленные штатные санитары, но и легко раненые, из так называемой КВ (команды выздоравливающих).

Помню, я дал распоряжение вынести из палатки наружу одного бойца, раненного в голову и не подававшего признаков жизни. И вдруг он прошептал - "пить". Раненных в грудь, живот, в голову было очень много. Раненные в руки или одну ногу стремились поскорее выбраться из этого ада в тыл и отправлялись сами пешком к следующему медучреждению. Я научился не только проводить первичную обработку ран, но и самостоятельно ампутировать конечности, оперировать ранения грудной клетки, живота, удалять осколки при ранении мягких тканей.



Врачи 180-го ХППГ (слева направо): В.В. Метревели, М.Л. Медовая, В.М. Тетерин, начальник госпиталя Н.Г. Челышев, армейский хирург Бродский, А.М. Ногаллер. Лето 1943 г.

Работали и днем и ночью, забывая о еде и сне, передохнув нередко прямо на полу в операционной. Обработка ран, удаление осколков, перевязки, инъекции, предупреждение инфицирования ран, общих заболеваний и, в первую очередь, пневмоний (воспаление легких) - все это требовало огромных усилий. Вспоминается, как один раненый пришел в госпиталь на своих ногах, поддерживая рукой выпадающие через рану живота внутренности. Пришлось его срочно оперировать. Никогда не забыть мужества обоженного танкиста. Будучи командиром танкового взвода и получив ранение, он продолжал руководить боевыми действиями остальных машин. Только когда его танк запылал, он с трудом пролез через люк, но потерял сознание. Товарищи доставили его в крайне тяжелом состоянии в наш полевой госпиталь, но и в бреду он продолжал отдавать боевые команды, требуя огня.

Мороз, вьюга, бездорожье оторвали от нас второй эшелон армии. Враг подвергал ожесточенной бомбардировке все дороги, по многу часов длились авиационные налеты в районе госпиталя. Однако и во время бомбардировок медики ни на минуту не прекращали помощи раненым. Огромный наплыв раненых, почти круглосуточная работа, усталость такая, что ни пить, ни есть не хотелось.

Вскоре стала ощущаться нехватка медикаментов, перевязочного материала, продуктов питания. Доставка их из-за метелей и заносов

затруднялась. Появилась завшивленность, бороться с которой было очень трудно из-за отсутствия лишней воды, мыла, свободного времени.

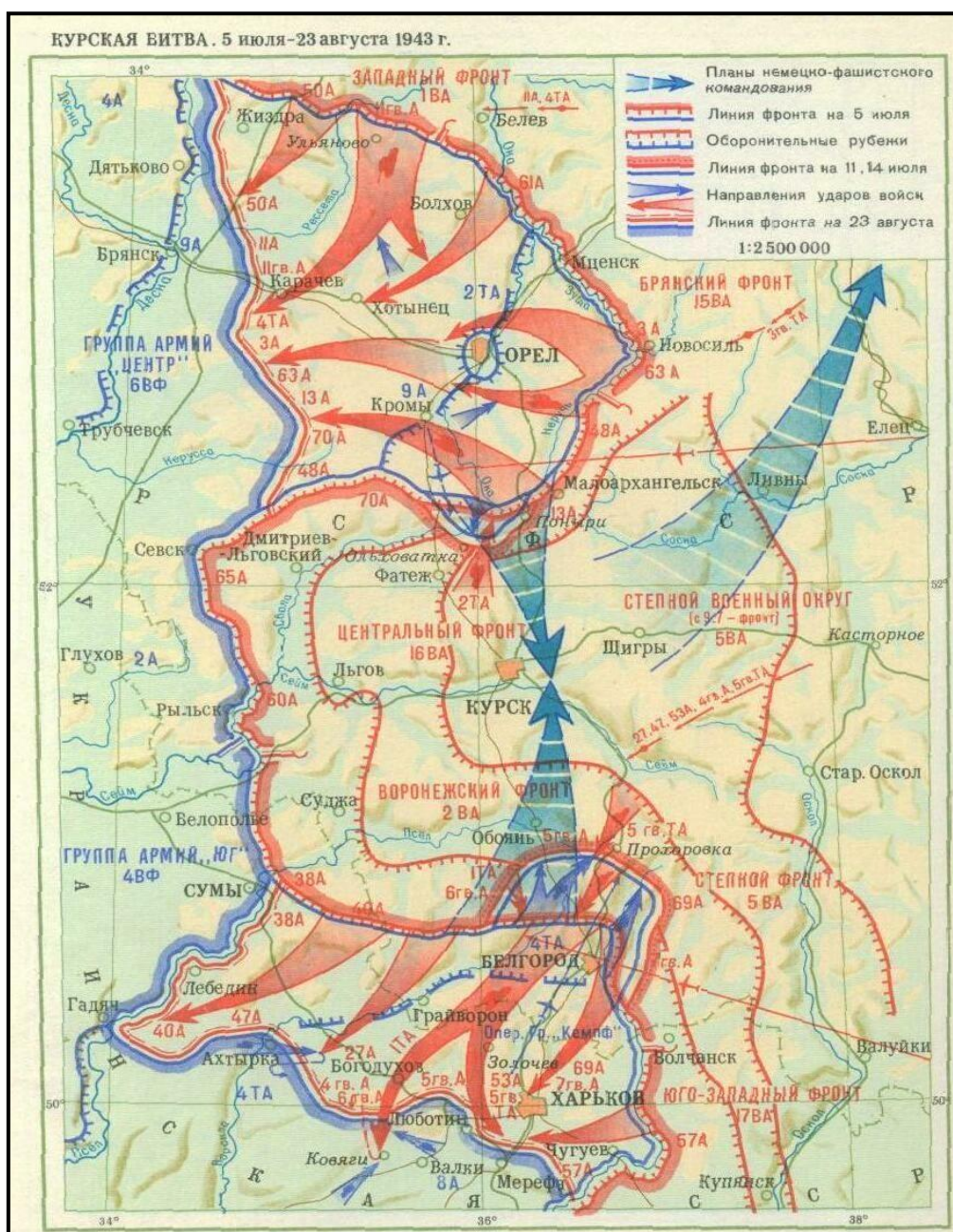
Помню, захожу я в операционную, а старший хирург Тетерин говорит мне: "Посмотри, рубашка сама движется". Действительно, от обилия вшей на снятой с раненого рубашке создалось впечатление, что она сама движется. В этих условиях появились миксты - раненые, заболевшие одновременно и тифом. Не всегда было легко определить, за счет чего лихорадит раненый - вследствие инфицирования раны и развития сепсиса или же это начало сыпного тифа. Заболеть тифом стали и работники госпиталя. Очень тяжело заболела наша операционная сестра Мария Додонова. Несколько дней она крепилась. Несмотря на лихорадку, она продолжала сутками стоять у операционного стола. Но, в конце концов, болезнь свалила ее. В постели (точнее, на носилках) она тяжело дышала, бредила и все повторяла: «Даю скальпель, вот зажим» или «Дайте марлю». Когда она приходила в сознание, спрашивала, сколько раненых еще не обработано. Спасти Машу не удалось, медикаментов для лечения сыпного тифа тогда не было, применялись лишь симптоматические средства. Несмотря на ухудшающееся состояние, Мария не думала о себе. Все её мысли были в операционной. Мы пытались поддерживать её бодрость духа и надежду, но на самом деле скорее она нас ободряла, чем мы её. Если не удавалось попасть в вену, она нас утешала, а когда я попал в её вену и начал вводить раствор глюкозы с сердечным средством, она едва слышно прошептала "молодец". Это были её последние слова и при явлениях нарастающей сердечной недостаточности она скончалась. Ни стоны, ни упрека, ни жалоб никто от неё не услышал. Худенькая, 18 - летняя девушка из г. Асбеста Свердловской области и в работе, и в последние минуты своей жизни проявила столько мужества, такую выдержку, которыми не всегда обладают мужчины. Образ её никогда не забудется.

Вследствие вспышки эпидемии сыпного тифа, терапевтический госпиталь превратили в инфекционный. Меня откомандировали в этот госпиталь, но через 3 – 4 недели эпидемию тифа удалось ликвидировать. Вспоминаются слова В.И. Ленина в годы Гражданской войны в связи с эпидемией сыпного тифа: «Или вошь победит социализм, или социализм победит вошь». В 1943 году Красная Армия быстро победила вошь, а вспышка сыпного тифа была лишь на ограниченном участке фронта. Насколько мне известно, об

эпидемии сыпного тифа не упоминалось ни в мемуарной литературе, ни в кинофильмах.

Весной 1943 года ожесточённые бои на нашем участке фронта затихли. Фашистам не удалось замкнуть кольцо вокруг наших вклинившихся частей. Но и нашим войскам не удалось разомкнуть "клещи". Постепенно связь с тылом нашего полуокруженного участка фронта улучшилась, удалось эвакуировать большинство раненых, налажилось снабжение госпиталя.

Июль 1943 года запомнился жарким летом и широко известной танковой битвой на Орловской-Курской дуге.





Танковое сражение на Курской дуге

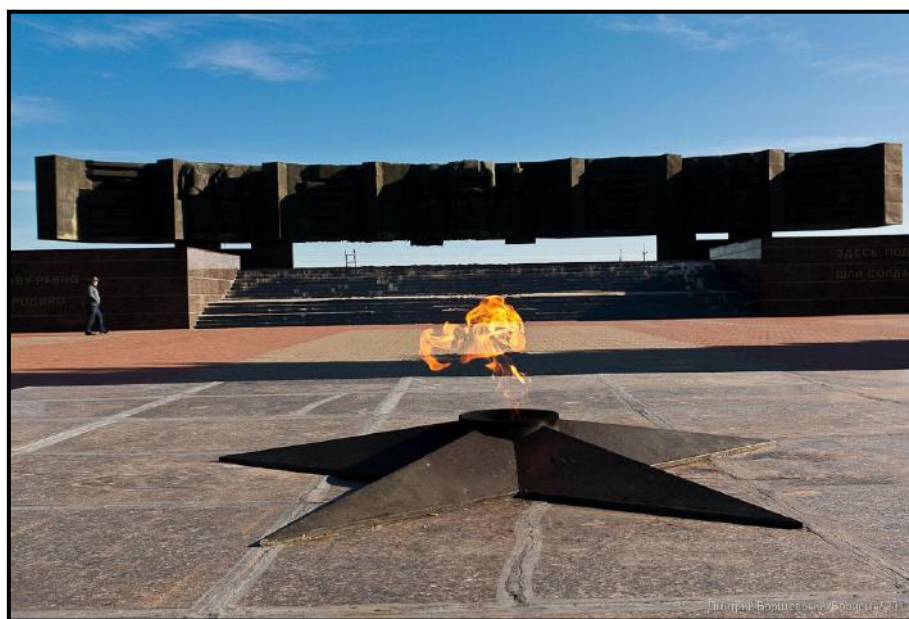
Вначале наш госпиталь оставался там же, в Извеково, затем передислоцировался ближе к фронту, располагаясь в сохранившихся лесах и садах. Было не до удобств и, нередко, убежищем на ночь нам служили две собственные плащ-палатки, натянутые на колья или привязанные к деревьям. Я по-прежнему работал в госпитальном отделении, а жена, как хирург, в операционной. Говорят: «С милым рай и в шалаше», однако, в действительности в деревенских избах и даже в палатках располагаться было гораздо удобней, чем в шалаше.

Как известно, гигантская танковая битва летом 1943 года на Орловско-Курской дуге закончилась полным разгромом немецко-фашистских войск. Битва под Курском явилась началом почти непрерывного продвижения нашей армии на Запад, до полного освобождения территории страны от захватчиков. До окончательной победы было еще далеко.

Спустя 40 лет после окончания войны, в 1985 году, мне в составе специального эшелона ветеранов довелось посетить места боевой славы - города, которые освобождала наша 2-я танковая армия. Мы прибыли в Курск и посетили мемориал-кладбище наших бойцов, отдавших жизнь за эту победу, возложили венки на могилы, в том числе и на

безымянные. Огромное количество могил со столбиками и дощечками с именами погибших не отражают всех жертв этого величайшего сражения.

Мне остались неизвестны и громадные захоронения немецких солдат. В Курске организован большой музей, посвященный этому танковому сражению, в котором большой раздел, наряду с другими танковыми и пехотными частями, отведен и 2-й танковой армии.



Памятник советским воинам - героям Курской битвы



Памятник советским танкистам - героям Курской битвы

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НЕМЕЦКО - ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ УКРАИНЫ И МОЛДАВИИ

В предыдущем очерке я писал о сражении на Курской дуге. После этого началось интенсивное наступление советских войск на запад. Нет возможности вспоминать все боевые операции, в которых участвовала наша танковая армия при освобождении Украины. Запомнилась Умань – родной город моего будущего шурина. Переночевать мне там пришлось, лежа на столе. Никаких достопримечательностей я тогда не видел. Наши части быстро продвигались на запад. Лишь 40 лет спустя удалось познакомиться с замечательным городским парком, озером, скульптурами, прогулками на лодках в темноте подземелья, совершить путешествие по достопримечательностям имения польского графа Потоцкого. Весной 1944 года войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева, разгромив окруженную Корсунь - Шевченковскую группировку врага, успешно продвигались на запад, освобождая украинские города и села.



**Маршал Советского Союза
Иван Степанович Конев**

2 - я танковая армия под командованием маршала бронетанковых войск Семёна Ильича Богданова, получила звание гвардейской, а всем её офицерам было присвоено к соответствующему званию приставка «гвардии». В дальнейшем наша армия была награждена орденом Красного

Знамени.

**Маршал бронетанковых войск
Семён Ильич Богданов**

Начальником нашего ХППГ 180 стал майор медицинской службы Р.Я. Розенталь.

Вслед за танковыми колоннами и артиллерийскими частями продвигались и тылы. Нашему госпиталю было дано задание - развернуться в одном из сел. Из-за плохих дорог, размокших от грязи, санитарные машины застревали, поэтому частенько приходилось их подталкивать.



Последние 15 км шли пешком, неся на себе перевязочные материалы, шины, палатки. Это уже было нам не привыкать. С трудом добравшись до указанного населенного пункта, мы обнаружили, что из 600 домов в деревне сохранились лишь менее десятка. Остальные были сожжены отступавшими немцами. Опять госпиталю пришлось развернуться в палатках.

Отличительной особенностью танковой армии была высокая маневренность, быстрое её перемещение с одного фронта на другой. Её бросали на направление главного удара при прорыве обороны противника или для подкрепления наших частей, когда надо было остановить контрнаступление врага. В составе нашей танковой армии были не только танковые корпуса и бригады, но и мотострелковая дивизия. В каждом из этих подразделений были свои медсанчасти, которые оказывали первую врачебную помощь: обработку обожженной поверхности, противошоковую терапию, наложение шин на конечности и др. Медсанбаты, как в пехотных дивизиях, в танковой армии не было. Их функции выполняли полевые госпитали, где проводились и сложные полостные операции. В нашем 180-м ХППГ было два хирургических отделения с операционными, приемное, сортировочное, госпитальное и эвакуационное отделения. В зависимости от боевой обстановки врачи и сестры сосредотачивались на том или ином участке в соответствии с потребностью.



Госпитальное отделение 180-го ХППГ

В центре - начальник отделения капитан м/с А.М. Ногаллер. 1943 г.

Наступление наших войск успешно продолжалось, танковые колонны ушли вперед на 200-300 км. Чтобы бесперебойно обеспечивать медицинскую помощь, пришлось немногочисленному коллективу нашего госпиталя, состоявшего из 5 врачей и 16 медсестер, разбиться на группы и следовать за передовыми частями. Каждая группа организовывала свой медицинский пункт, оказывала неотложную и оперативную помощь. С тяжелыми нетранспортабельными ранеными оставался один врач с группой медсестер, остальные продвигались дальше на запад, где развертывала новые медицинские пункты. Так, растянувшись на сотни километров, госпиталь оказывал максимально приближенную к боевым действиям медицинскую помощь. Последним группам приходилось заботиться об эвакуации раненых, чтобы вновь оказаться на передовых позициях. Располагаясь вдали от больших дорог, не имея собственного транспорта, задача эвакуации раненых была не из легких, тем более, что в ближайших селах не было ни машин, ни лошадей или скота.



**Коллектив госпиталя в 1944 г.
В центре начальник госпиталя Р.Я. Розенталь**

Вспоминается, как мне пришлось обратиться за помощью к местным жителям. Неся на себе носилки с ранеными, женщины и подростки

доставляли их к проходившей в 5 км узкоколейке, которую специально по этому поводу восстановили. Доставка раненых до железнодорожного пути продолжалась несколько суток, затем дряхлый паровозик с разбитыми вагончиками доставил наших раненых до ближайшего госпиталя, за 30 км. Это заняло четверо суток, т.к. паровозик непрерывно ломался и больше стоял, чем двигался. Местные жители помогали нам и в питании, и в уходе за ранеными. Телефонной связи у нас не было и неожиданное прибытие эшелона, тем более из другой армии, было встречено госпиталем без энтузиазма. Точнее, вначале вообще отказались принимать раненых, заявив, чтобы мы везли их дальше. Хорошо, что замполит госпиталя по фамилии Гроза, очень деловая и боевая женщина, сумела убедить и пригрозить начальству госпиталя и наших раненых все же приняли.

После эвакуации раненых нужно было догонять свою часть. На попутных машинах, на лошадях, небольшими группами, кто как смог, мы продвигались в западном направлении. Вскоре нас догнала большая танковая колонна. Это было подкрепление в нашу армию. Большая часть танков была построена за счет колхозников Узбекистана, которые послали письмо в часть с призывом сильнее бить врага. В то время материальная помощь из тыла часто сопровождалась и идеологическим воздействием.

Ехать на танках, знаменитых Т-34, сзади башни было очень удобно – не чувствовалось тряски, от мотора исходило приятное тепло, не надо было тащить на себе медикаменты, инструментарий и личные вещи. Но враг заметил движение танков. Началась бомбардировка, пришлось прятаться в ближайших укрытиях – в придорожных канавах. Хорошо, что вскоре наши истребители напали на фашистские бомбардировщики, завязался воздушный бой. Один вражеский самолет был подбит и упал, объятый пламенем. Правда, от бомбардировки пострадал один наш танк, а командир взвода был тяжело ранен. Пострадавшему мы перевязали раны, но состояние его оставалось тяжелым, сказывалась значительная потеря крови. Раненый нуждался в переливании крови. Но у нас не было с собой ампул с кровью, а имелись лишь шприцы, противостолбнячная сыворотка, ампулы с морфием и немного перевязочного материала. Я вспомнил, что у меня первая группа крови, которую можно всем переливать. Тогда д-р Медовая (моя жена) произвела прямое переливание крови, т.е. 20 мл - метровым шприцем брала у меня кровь из вены и тут же вводила ее в вену раненому. Эта процедура повторялась несколько раз. Введение даже относительно небольшого количества крови (около 100 мл) способствовало остановке кровотечения и улучшению состояния

пострадавшего. Вот тогда командир колонны подполковник Савельев не пожалел, что взял "медицину" с собой. Один из танков в роли медицинской машины отправился с ранеными в тыл, искать ближайший госпиталь.

Уже на территории освобожденной Молдавии произошел трагический случай из тех, что не принято освещать в печати. Однако, в своей заметке я решил писать правду и только правду без прикрас, лакировки или сгущения красок. Недалеко от г. Флорешты к начальнику колонны (я как раз находился рядом и был свидетелем разговора) обратился заведующий вновь открывшейся столовой военторга. В столовую надо было завести водку, но не было грузовиков, и заведующий стал просить танк. Для чего другого, а для этого "святого дела" не жалко было ни танка, ни горючего. Начальник командировал один из танков за ящиками с водкой. Дорога была узкая, извилистая, с крутыми обрывами. Туда танк прошел благополучно, а оттуда, нагрузив танк ящиками с водкой, а возможно, и отведав ее для пробы, водитель не справился с управлением, танк сорвался на повороте и упал вниз. Погибли водитель, зам. зав. столовой, а комвзвода, находившийся наверху, успел спрыгнуть и не пострадал. Сам танк был основательно разбит и оставлен на месте происшествия. Когда вся колонна продвигалась по узкому месту вперед, были выставлены регулировщики, и больше пострадавших не было. Разбитый танк списали за счет бомбардировок, а родственникам погибшего отослали похоронку, в которой было написано, что водитель танка погиб при исполнении воинских обязанностей.

Вслед за освобождением южных районов Украины и Молдавии наши войска вступили на территорию Румынии. Эта страна, являясь союзником гитлеровской Германии, мало пострадала от военных действий. Король Михай вовремя отказался от своего бывшего союзника, что спасло жизни тысячам румын и страну от разрушений. Сам Михай был награжден впоследствии советским орденом Победы и с почетом отбыл на Запад при формировании в Румынии просоветского правительства. Но это было уже позднее, а летом 1944 года нас поразило обилие гражданских лиц, преимущественно женщин и детей, торговавших всякой мелочью, продуктами питания, фруктами.

В то же время, в районе г. Яссы гитлеровцы оказывали ожесточенное сопротивление. Однако постепенно бои на этом участке фронта затихли, а поступление раненых почти прекратилось. Нашу

танковую армию перевели в тыл и короткое время поступления раненых вообще не было.

К этому времени мою жену М.Л. Медовую демобилизовали из-за беременности. 9 июля 1944 года она родила в Москве дочь Анну. Можно считать, что Анна тоже была «фронтовичкой», ибо ещё в утробе матери она ехала на танке, передвигалась вместе с танковой армией, лечила раненых в госпитале. Неудивительно, что она стала впоследствии врачом.

Летом 1944 года нашу 2-ю танковую армию вывели из Румынии, где она уже тогда находилась, и перебросили на 1-й Украинский фронт. Соответственно и госпитали стали погружать в товарные вагоны поездов и эшелонами отправлять по направлению к Киеву, который был еще оккупирован вражескими войсками. По дороге наш поезд подвергался налету фашистских бомбардировщиков. Поезд остановился, все выбежали и стали разбегаться в разные стороны, прячась в ямы и канавы. Вскоре советские истребители отогнали вражеские бомбардировщики, подбив один из них, который, пылая, упал где-то в степи, а наш поезд продолжил благополучно путь на юго-восток без каких-либо существенных жертв. А вот предыдущему эшелону, в котором переезжал терапевтический госпиталь Ноткиной, повезло меньше. Там прямым попаданием разбомбило много вагонов и пострадало немало людей. Наши госпитали нередко располагались по соседству. Мы немного знали друг друга, а как-то даже в период затишья устроили совместный вечер самодеятельности. Поэтому на меня особенно тягостное впечатление произвела гибель врача – молодой, красивой, темноволосой женщины Вали Гагановой, которая очень задумчиво исполняла на вечере песню про одесского Костю-моряка, тогда впервые мною услышанную. Еще более тяжелое впечатление осталось в памяти от Дарницы, крупного железнодорожного узла вблизи Киева. Наступавшие войска Красной Армии, эшелоны с орудиями и танками подверглись незадолго до нашего прибытия ожесточенной бомбардировке. Возникли пожары, взрывы, уничтожавшие все вокруг. Когда мы подъехали, еще ощущался запах дыма и жареного мяса, валялись разбитые вагоны, искореженные рельсы, орудия и разбросанные части человеческих тел. Мне не раз приходилось видеть убитых солдат и командиров, замерзшие трупы, но такую картину уничтожения увидел в первый и, к счастью, в последний раз.



Переправа через Днепр

Спустя 70 лет в Дарнице открыли мемориальный комплекс и новый парк. 70 - ление Победы железнодорожники Дарницы торжественно отметили.



Празднование 70 – ления Победы в Дарнице



Обелиск в память погибших железнодорожников в Дарнице

Вслед за танковыми корпусами, продвигавшимися на запад, перемещался на грузовиках и наш госпиталь, то быстро разворачиваясь, то так же быстро свертываясь. Всё уже было отработано и в течение двух часов наше госпитальное отделение и операционная были готовы к приему новых раненых. После освобождения Киева наши войска довольно быстро продвинулись в западном направлении, вплоть до польской границы.

Госпиталь часто располагался в лесу, значительно реже – в сохранившихся деревнях или в имениях польских панов. Здесь, пожалуй, уместно вспомнить судьбу одного из раненых в этот период. 27-летний Валерий М. поступил под мое наблюдение в московской клинике в 1952 году. Во время войны он был летчиком-истребителем. При участии в одной из боевых операций на территории Украины его самолет был сбит, из горящей машины он смог выпрыгнуть с парашютом. Его подобрал местный житель без сознания и обожженного. Несколько месяцев лечился в госпитале. Затем снова был на фронте, имел несколько ранений, в том числе проникающее ранение в живот с повреждением кишечника. После окончания войны и демобилизации появились резчайшие боли в животе.

Диагностировали язвенную болезнь желудка. Сделана была операция – резекция желудка, однако боли продолжались, обнаружены были камни в желчном пузыре, который тоже удалили. Таковы были последствия перенесенной физической и психической травмы.

Трудно оценить все жертвы и человеческие потери Красной Армии и советского народа при освобождении Украины и Молдавии от нацистского порабощения.

БОИ В ПОЛЬШЕ

После освобождения Киева, войска Красной Армии быстро продвигались на запад. Нашу танковую армию перебросили на 1-й Белорусский фронт. Вслед за танковыми корпусами перемещался и наш госпиталь, то, быстро разворачиваясь, то так же быстро свертываясь. Всё уже было отработано. Для моего госпитального отделения предоставлялась грузовая машина, я, медсестры и санитары быстро грузили наше небольшое имущество (палатки, перевязочный материал, основные лекарства, шприцы и пр.) и перемещались в указанный нам пункт. Там быстро разгружались, устанавливали в лесу палатки или размещали носилки в сохранившихся домах и уже через два часа были готовы к приему новых раненых. После эвакуации последнего раненого, также быстро собирались и переезжали на новое место. Личного имущества почти не было: одна смена белья, кое-какая одежда, туалетные принадлежности, записи, иногда книги. Освобождение Белоруссии произошло довольно быстро, хотя продвижение вперед сопровождалось ожесточенными боями. Я проездом побывал в Минске, город был почти полностью разрушен. Запомнился въезд нашего госпиталя в Польшу вслед за передовыми танковыми частями. По краям дороги стояли женщины и приветливо нам махали, бросали цветы, при остановке колонны - угощали вишнями. Так было в первые дни вступления наших войск в Польшу. Помнится, мы развернули госпиталь и к нам пришли молодые девушки ухаживать за ранеными. Были они наряжены, на каблуках, надушенные, нарядно причесанные. Я сказал им, что их помощь по уходу была бы очень кстати, но придется переносить и перекладывать раненых, кормить и перестилать постели. Поэтому, я рекомендовал одеться попроще и прийти снова. Больше я их не видел.

Вероятно, они представляли уход за ранеными в романтическом духе, а не повседневными трудовыми буднями. Вообще довольно быстро отношение поляков к советским воинам от теплого, дружественного, сменилось равнодушно-нейтральным, иногда враждебным отношением. Вначале они охотно угощали нас фруктами из своих садов, помогали госпиталю одеялами, простынями, полотенцами, которых не хватало при наплыве раненых. Позднее они во всем стали отказывать, говоря: «Нема, пшиско немец увез». Как-то я зашел в деревне в одну избу и спросил, где у них во дворе туалет и услышал в ответ все ту же фразу, как будто немцы действительно увезли ее деревянный сарайчик, служивший туалетом.

Вполне возможно, начала действовать антисоветская пропаганда из проанглийской армии и фашистских польских военных формирований.

Ходил также такой анекдот: молодой солдат спрашивает польку: «Замуж пойдешь за меня? Да. А в колхозе будешь работать? Ни...».

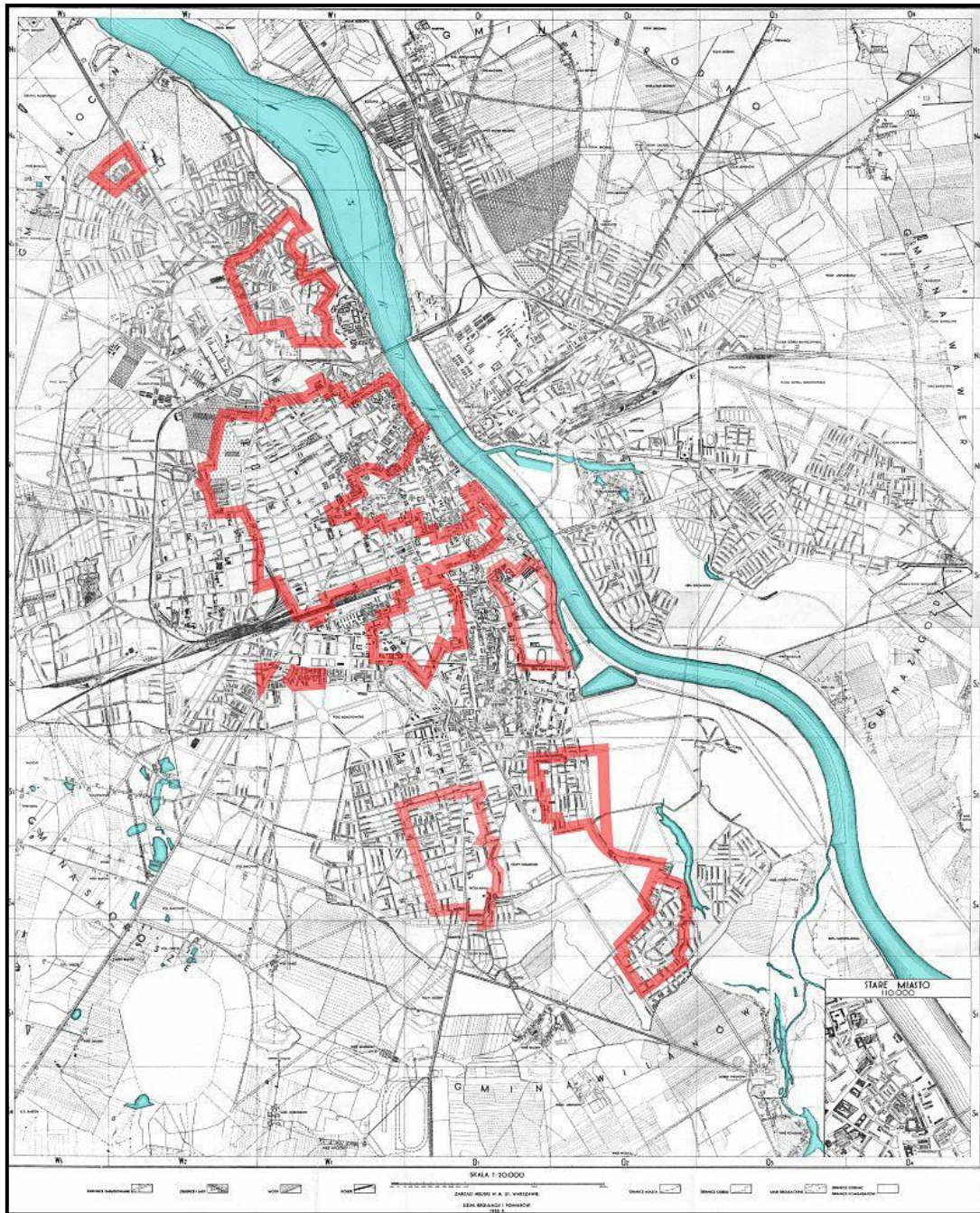
При освобождении города Люблина в распоряжении госпиталя оказался склад винного завода. Начальник госпиталя распорядился выдать каждому сотруднику по бутылке ликера, а остальное припрятать про запас и для армейского начальства. В госпитале водки, как в полку в первый год войны, не выдавали, так что на нашей улице был праздник.

Вскоре советские войска, продвигаясь на запад, освободили Познань, Седлиц, подошли к восточному берегу Вислы, напротив Варшавы. Это предместье называлось Прага. Сама Варшава все еще была оккупирована фашистами.

Это уже было осенью 1944 года, теплой и мало дождливой. Активных боевых действий не проводилось, госпиталь был развернут, но раненых поступало мало. Запомнилось, что в какой-то период времени можно было видеть в Варшаве пожары, слышны были взрывы, артиллерийская стрельба, реже - бомбардировка. Что там происходит, мы понятия не имели. И мало ли где стреляют на войне, тем более, что через какое – то время там все затихло. И лишь спустя годы я узнал, что в Варшаве было поднято восстание против фашистов, организованное проанглийской Армией Людовой (восстание продолжалось с 1 августа по 2 октября 1944 года).



Польские гражданские лица, убитые войсками СС в ходе подавления Варшавского восстания. Август 1944 г.



Максимальная территория города, находящаяся под управлением повстанцев на 4 августа 1944 года

В то время в Польше активно боролись с немцами две партизанские группы: Армия Людова, сформированная находившимся в эмиграции в Англии польским правительством, правившем при германо-советском разделе Польши в 1939 году, и просоветская Армия Крайова, организованная коммунистами в СССР и действующая преимущественно на юге страны. Во время Варшавского восстания 1944 года наши войска активно не помогали или не могли помочь полякам. Георгий

Константинович Жуков, который командовал тогда 1-м Белорусским фронтом, писал в своих воспоминаниях, что это восстание не было согласовано с советским руководством и командованием, что после быстрого стремительного наступления советские войска не имели возможности помочь восставшим.



**Маршал Советского Союза
Г.К. Жуков**



**Памятник Г.К. Жукову
на Манежной площади в Москве**

Теперь я думаю, что кроме этих соображений была и политическая игра. Сталин рассудил, что если восстание окажется успешным, и немцы будут изгнаны, то власть в Варшаве, а, следовательно, и в Польше, перейдет к проанглийскому буржуазному правительству. То, что при подавлении восстания погибнут тысячи людей и будет разрушен город, большого значения для всех политиков не имеет, как это и показал опыт войны в Югославии и в Сирии спустя более полвека после описываемых событий. До описанного выше восстания в Варшаве 1944 - го года, было и еще восстание в Варшавском еврейском гетто с 19 апреля по 16 мая 1943 -го года, которое было жестоко подавлено нацистами.



Удостоверение к медали за освобождение Варшавы



Арест евреев во время восстания в Варшавском гетто

После войны Советское правительство построило на свои средства в подарок варшавянам высотное здание - Дворец культуры и науки.

14 – 16 января 1945 года советские войска перешли в наступление и после тяжелых боев освободили Варшаву. Мне довелось ходить по улицам разрушенной польской столицы, видеть пустые дома, сплошные

пустыри и развалины в центре города, почти полное отсутствие в нем жителей. Как-то иду я по улице, впереди шагают три польских офицера в соответствующей форме. Один из них поскользнулся на обледенелом тротуаре и выругался таким отборным русским матом, что я подумал, не из Рязани ли они. Дело в том, что в СССР была создана Польская освободительная армия, в которую вошли эвакуированные на восток из захваченных немцами территорий, преимущественно, евреи.

Однако, специалистов - связистов, артиллеристов, врачей и др. не хватало, поэтому в Польскую армию направляли людей с близкими польскими фамилиями, оканчивающимися на "кий" или "ович" из западных районов страны и Украины. Русские и украинцы составили половину так называемой польской армии (Войско Польское), а командный состав готовился в Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище, которое ныне носит имя генерала армии В.Ф. Маргелова (РВВДКУ). Окончил ее и будущий президент Польши Войцех Ярузельский. Эта армия вместе с советскими войсками участвовала в освобождении Варшавы. После освобождения Польши от фашистов власть в ней возглавило прокоммунистическое правительство, частично с включением в него (как оказалось, на короткий срок) представителей эмиграции, находившейся в Лондоне.

После освобождения Варшавы открывался прямой путь в Германию. На броне танков, на орудиях появились надписи мелом «Вперед, на Запад!», «На Берлин!», «За Родину, за Сталина!». Но до боев за Берлин оставалось ещё четыре долгих месяца, унесших много тысяч человеческих жизней. Продвижение на запад проходило медленно, с упорными боями, в госпиталь непрерывно поступали раненые.

Мне довелось побывать в печально знаменитом концентрационном лагере Освенцим (Аушвиц, как его называют в Германии). 27 января 1945 года советские войска освободили узников самого крупного нацистского лагеря смерти Освенцим. Этот день признан Организацией Объединённых наций (ООН) днём памяти жертв геноцида еврейского народа – Холокоста, ибо преимущественно в этом концлагере погибла большая часть уничтоженных гитлеровцами евреев. Посещение этого ужасного лагеря смерти оставило у меня тяжелое впечатление на долгие годы. Позже я побывал во многих других нацистских лагерях смерти - Бухенвальде, Дахау, Саласпилс, в котором погиб мой дедушка Генрих Ногаллер, его жена и дочь, но Освенцим оставил у меня наиболее тягостные, страшные впечатления. Даже сейчас, спустя более

полувека, перед глазами стоит высокая каменная стена с массивными воротами, над которыми написано «Arbeit macht frei» («Работа делает свободным») – один из лживых лозунгов нацистов. Ведь и при отправке в концлагерь заключённым говорили, что их везут на новые поселения, а не в лагерь смерти на уничтожение. При отправке в газовые камеры несчастные заключённые должны были полностью раздеться, якобы для приёма душа с дороги.



Входные ворота в концлагерь Освенцим

Позднее лагерь Освенцим был превращён в музей, но выставленные в качестве музейных экспонатов предметы и помещения производят ужасающее впечатление. Я повторно посетил Освенцим, насколько мне помнится, в 1965 - м году. И десятилетия спустя перед глазами встают комнаты с одеждой, в том числе детской, комнаты с женскими волосами, с детскими игрушками, с драгоценностями обречённых людей, с челюстями с золотыми зубами, с сувенирами, сделанными из человеческих черепов и костей. Специальные помещения в концлагере были выделены для медицинских экспериментов над заключёнными, для переработки кожи в обувь, а жира в мыло. По мнению нацистов, ничего из человеческого материала не должно было пропадать даром. Особенно тяжкое впечатление оставляют газовые камеры, похожие внешне на обычные

душевые, но с приспособлениями для перемещения умерщвлённых тел в крематорий.

В 2002 году мне довелось посетить специальную выставку в Бамберге (ФРГ), организованную Институтом истории медицины университета Эрланген - Нюрнберг, на которой были представлены материалы о медицинских экспериментах в различных нацистских концлагерях, в том числе в Освенциме. Экспериментировавшие врачи набирались из эсэсовских частей, из вермахта, научных институтов и университетов. Контролировал проведение опытов и их результаты непосредственно шеф СС и полиции, один из главарей нацистской Германии Генрих Гиммлер. Основные медицинские исследования в концлагерях касались искусственного заражения заключенных инфекционными заболеваниями и попыток их лечения. Заражение проводилось сыпным и брюшным тифом, газовой гангреной, туляремией и другими инфекциями. Видное место занимало проведение экспериментов над людьми по изучению влияния охлаждения, гипоксии при подъёме на высоту, генетические опыты.

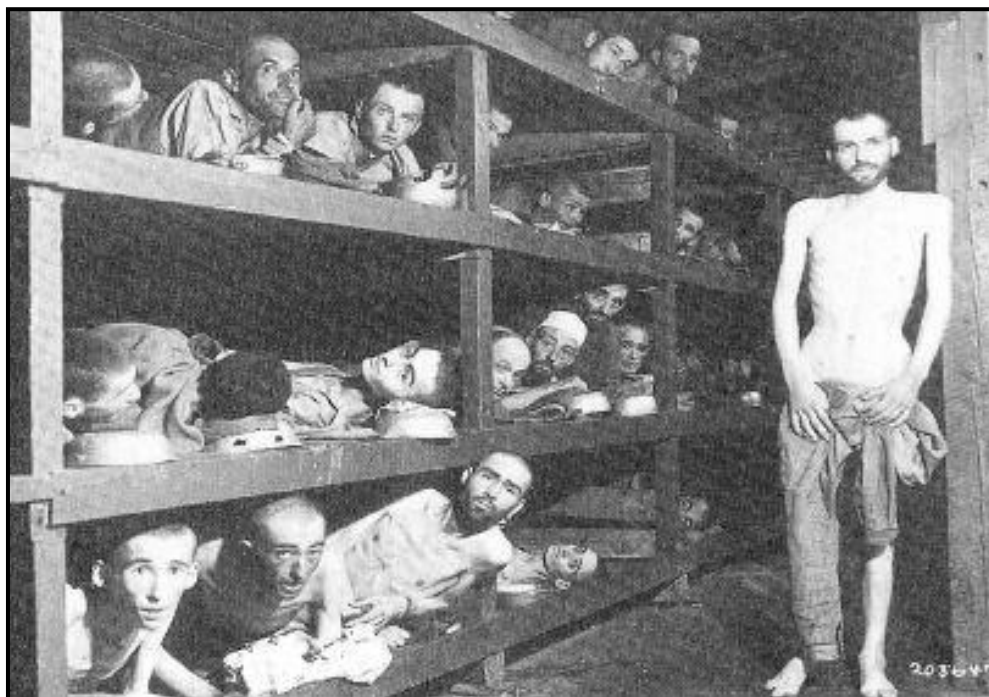


Фото из опубликованных материалов о концлагере «Освенцим»

«Хуже смерти... Смерть всё-таки естественна для человека, а там был сплошной ужас», – говорила на судебном процессе в Нюрнберге бывшая заключенная. Особой бесчеловечностью отличались опыты на близнецах.

Ими руководил главный врач концлагеря, активный нацист и эсэсовец Йозеф Менгеле (1911-1979), который отличался особенной жестокостью. Менгеле лично руководил сортировкой поступающих с эшелонами людей, направляя одних сразу в газовые камеры, других на трудовые работы или для медицинских экспериментов. Его особенно интересовали близнецы, ибо в своей предыдущей научной работе во Франкфурте-на-Майне, в Институте наследственной биологии и расовой гигиены он занимался генетикой. Среди миллионов прибывающих людей Менгеле отобрал несколько сот близнецовых пар различного возраста. Нельзя без содрогания и ужаса, чувства отвращения смотреть на фотографии и читать описание, с каким хладнокровием и бессердечностью проводились им без наркоза или местной анестезии иссечение участков кожи, мышц, различных тканей и органов, не обращая никакого внимания, как рассказывали впоследствии очевидцы тех событий, на стоны, плач и крики детей.



Польша. Концлагерь Освенцим. Дети, заключенные лагеря, ждут своего освобождения. 1945 год.

Для полного патологоанатомического, генетического и иммунологического исследования Менгеле умерщвлял подопытных близнецов уколом в сердце с введением хлороформа, а затем направлял

соответствующий материал в институты Берлина. Движимый честолюбивыми надеждами на славу великого учёного-генетика, он подверг мучительной смерти многие сотни детей-близнецов. К великому сожалению, при приближении советских войск к Освенциму Менгеле удалось скрыться, перебраться с фальшивым паспортом в страны Латинской Америки, прожить там под вымышленным именем более 30 лет и умереть своей смертью в Бразилии в 1979 году. Лишь позднее была проведена эксгумация трупа, подтвердившая его принадлежность именно Менгеле.

С 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. в Нюрнберге заседал Международный военный трибунал и состоялся судебный процесс над главными нацистскими преступниками. Его продолжением явился проводившийся там же с 21 ноября 1946 г. и весь 1947 год судебный процесс над врачами, проводившими преступные эксперименты над заключенными концлагерей. К суду было привлечено 23 врача, в том числе проводившие исследования научные сотрудники и вне самих лагерей. Три профессора к тому времени покончили жизнь самоубийством, а некоторым удалось скрыться от возмездия. На суде было неопровержимо доказано, что подсудимые добровольно участвовали в опытах на людях, некоторые из материальных соображений. Суд отверг попытки подсудимых оправдаться якобы ценностью проводившихся опытов для лечебной практики и науки или ролью простых исполнителей. Семь человек были приговорены к смертной казни, приведенной в исполнение расстрелом. Пять человек получили пожизненное заключение, остальные – различные сроки тюрьмы.

Не случайно ООН приняло специальную резолюцию, согласно которой отрицание Холокоста является преступлением. Можно надеяться, что человечество всё же извлечет уроки из своего прошлого и никогда больше не повторится трагедия гитлеровских концлагерей и Холокоста.

ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА И ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

Вспоминая последнюю военную осень и зиму, хотелось бы кратко описать встречу Нового 1945 года. Госпиталь располагался в лесу, недалеко от линии фронта, так как готовилось наступление. Война ещё не закончилась, поэтому общего праздника в госпитале не было. Однако мы втроём: три молодых хирурга - Вахтанг Метревели, Слава Волович и я, жившие в одной палатке, решили отметить Новый год и предстоящую победу. Ёлок вокруг было сколько угодно, топор у нас тоже был, так что установить ёлку в земляном полу не составило труда. Спирта у нас всегда было достаточно, закуску заготовили заблаговременно. А вот украсить ёлку было нечем. Тогда Слава начал рисовать карикатуры на всех нас, а мы тут же нацепили их на ёлку. Затем развесили наши наганы, кобуру от них, получилось вполне достойное украшение. Выпив и закусив, мы долго беседовали, вспоминая прошлое и мечтая о будущем, тихо напевали фронтовые песни.

Здесь, пожалуй, уместно рассказать о фронтовой дружбе и любви. Общая цель, постоянная опасность, непредсказуемость дальнейшей судьбы, тесные контакты и напряженный труд сближали людей. Делить фронтовикам было нечего, не было почвы для зависти, ссор или интриг, а тяжесть пройденного пути и близость конца войны ещё больше укрепляли дружеские отношения.

В январе 1945 года наступил долгожданный момент. После тяжелых упорных боев, отступлений и контрнаступлений, наши войска, развивая успешное наступление в западном направлении, вступили на территорию Германии. Вспоминается, что на переправе через пограничную с Польшей реку Нейсе, висел громадный плакат с надписью «Вот она, проклятая Германия». Это была фраза из популярной тогда статьи Ильи Эренбурга в газете «Правда».

В числе первых советских войск, прорвавшихся на территорию Германии, была и наша 2-я гвардейская танковая армия РГК (резерва главного командования).

Позади было участие нашей танковой армии под командованием маршала ронетанковых войск Семёна Ильича Богданова в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Белоруссии, Польши, в том числе Варшавы.

При вступлении на территорию Германии вначале мы увидели только опустевшие деревни, по улицам которых бродили голодные коровы, беспризорные свиньи и куры. Все люди убежали или прятались, опасаясь, что на них обрушится возмездие за гитлеровские преступления. Впрочем, они могли о них не знать, но при всякой войне приход вражеских войск чреват опасностью для мирного населения. Наступление наших войск было весьма стремительным. Помнится, как в пограничном городке Кюстрин, когда мы туда вошли, в домах еще горел электрический свет, на столах оставалась недоеденная пища, в комнатах валялись брошенные вещи и другие свидетельства поспешного бегства. В одной из квартир мне попала позавчерашняя газета, в которой гитлеровское командование уверяло население, что советские войска далее не пройдут и что немецкие войска никогда не допустят вторжение врага на территорию Германии. Это было, естественно, лживой пропагандой. Давно известно выражение, что нигде так не врут, как на войне и на охоте. Ровно через сутки после издания газеты не только передовые воинские части, но и наш госпиталь расположился в этом городе. Вскоре гражданское население убедилось, что советские солдаты не только не убивают и не насилуют, но нередко даже помогают женщинам и детям. Военная комендатура принимала меры для скорейшей нормализации жизни в освобожденных от нацистов городах и населенных пунктах. Жители их перестали убегать от наступающих советских войск, а в период развертывания нашего госпиталя даже в какой-то степени помогали.

Весной 1945 года кровавые бои еще продолжались на вражеской территории, унося немало человеческих жертв. В госпиталь непрерывно поступали раненые. Медикам приходилось трудиться день и ночь, особенно доставалось медсестрам, которые не только помогали при операциях и наркозе, но и переливали кровь, делали уколы, накладывали шины и гипсовые повязки, а также нередко сами переносили раненых, осуществляли уход за ними – ведь от него зависело не только самочувствие раненого, но и результативность операции. Санитаров не хватало, помогали в госпитале легко раненые бойцы.



Берлин. У Бранденбургских ворот. Апрель 1945 г. Фото из архива

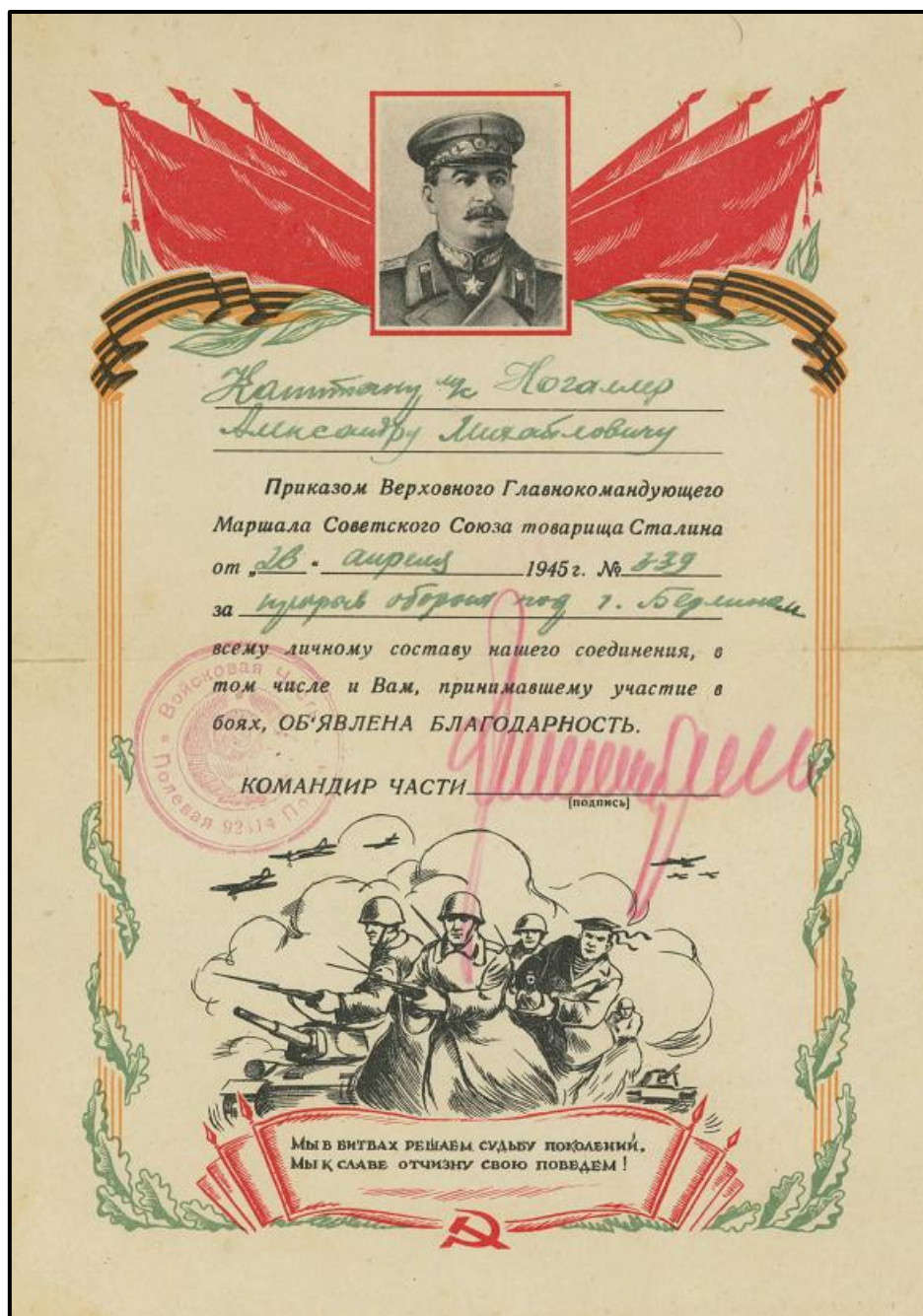
Большое значение имел прорыв оборонительных сооружений немцев в районе Зееловских высот, после чего открывался прямой путь на Берлин. Это успешное наступление Красной Армии было отмечено приказом и благодарностью Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.



Музей на Зееловских Высотах



Военная техника, участвовавшая при прорыве обороны противника



Благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина за прорыв обороны под Берлином

После прорыва обороны гитлеровцев, войска Красной Армии быстро достигли Берлина и начались бои за взятие столицы Германии. Наш госпиталь расположился в предместье Берлина - Бух. Там до войны были больничные корпуса, принадлежавшие Берлинскому университету им. Гумбольдта. По сравнению с условиями предыдущих лет здесь было очень удобно как для операционной и перевязочной, так и для госпитального отделения. В последние месяцы войны нам помогали

освободившиеся из плена французы, бельгийцы, чехи, но особенно – женщины немки. Им и их детям давали еду, а они много помогали в операционной и по уходу за ранеными в палатах. Вспоминается такой забавный случай. Я оперировал и давал указания на немецком языке помогавшей мне немке. Услышав немецкую речь, раненый возмутился, заявив, что не позволит немцу оперировать себя. Пришлось его успокоить, добавив для надежности несколько крепких истинно русских слов из ненормативной лексики, после чего раненый успокоился.

Помогавшие в палатах немки быстро усвоили русские слова, наиболее часто произносимые ранеными: «утку, судно, пить». С другой стороны раненые стали употреблять немецкие слова: «Tür auf - Tür zu, trinken»(дверь открыть, закрыть, пить).

В конце апреля 1945 года постепенно до многих немцев дошла бесперспективность дальнейшего сопротивления. Появились большие группы немецких солдат и офицеров, бросивших оружие и просивших взять их в плен под конвоем, чтобы не прикончил кто-нибудь из советских солдат под горячую руку. Но не все немцы были настроены сдаваться. В предместьях Берлина шли ожесточенные бои, а отдельные группы вооруженных гитлеровцев пытались вырваться из окружения, уничтожая все на своем пути. При встрече с ними, за две недели до окончания войны, погиб начальник соседнего госпиталя Титов.

Однако война продолжалась, и однажды произошел следующий эпизод. Выходившая из Берлина группировка вооруженных фашистов двигалась по направлению к нашему госпиталю. Всем свободным от операций было приказано проверить оружие и подготовиться к бою. В это время я был занят эвакуацией раненых, стараясь отправить как можно больше людей в тыл. Кстати, эвакуация раненых тоже требовала определенных знаний. Так, в машине Форд и ЗИЛ раненых надо было укладывать поперек, а в Студебеккеры – вдоль и в два ряда. Учитывая опасность нападения фашистов, возможность боя непосредственно на территории госпиталя, я старался как можно теснее с помощью санитаров уложить раненых в машины для эвакуации. Раненые ворчали, мол, напихивают, как сельдей в бочки, но рассказывать правду о предстоящей угрозе не хотелось. К счастью, все обошлось благополучно, и воевать медикам не пришлось.

2 мая 1945 года после тяжелых боев советские войска полностью освободили Берлин от фашистов и водрузили знамя Победы над Рейхстагом. В то время мы не знали, кто именно водрузил первым это знамя, ибо свершить это – «водрузить Знамя Победы», как тогда говорили,

стремились многие еще до боев в Берлине. Немало бойцов и командиров в последние дни войны взбирались на крышу Рейхстага и поднимались на купол. Оборонявшие его фашисты ожесточенно сопротивлялись. Многие наступавшие погибли, их имена остались неизвестными. Даже когда я уезжал из Германии в конце 1946 года, имена героев, водрузивших Знамя Победы, были ещё не известны. При штурме Рейхстага множество людей погибло. Несколько лет спустя объявили, что честь водружения Знамени Победы принадлежит Егорову из Смоленска и Кантария из Грузии. Может, так оно и было, а может, это было политическим решением.



Знамя Победы над Рейхстагом. Май 1945 г.

Все участники битвы за Берлин, в том числе и я, были награждены памятной медалью



Медаль «За взятие Берлина»

Кроме того, участникам этой великой битвы была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего.

Примерно в эти дни на территорию нашего госпиталя привезли трупы Геббельса и членов его семьи (жены Магды и шестерых детей), которых по его распоряжению тоже отравили. После смерти тела Геббельса и его жены должны были быть сожжены, но это по каким-то причинам полностью осуществить не удалось. Эти трупы находились в морге госпиталя в отдельном домике. Я попытался войти внутрь, но часовой меня не пустил. Пришлось ограничиться осмотром через окно. На следующее утро трупы увезли для детальной судебно-медицинской экспертизы.



**У Бранденбургских ворот. Май 1945, г.
Берлин (А.М. Ногаллер – справа)**

10 мая 1945 года я был в центре Берлина и сфотографировался вместе с товарищем у знаменитых Бранденбургских ворот.



Благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина за овладением г. Берлином

Велика была радость советских воинов, вынесших на своих плечах все тяготы ужаснейшей войны, когда объявили о капитуляции нацистской Германии. Все веселились, обнимались, стреляли в воздух. Банкетные столы стихийно появлялись на улицах и площадях Берлина, около памятников, особенно, у знаменитых Бранденбургских ворот. Я видел собственными глазами стены рейхстага, которые были исписаны именами и фамилиями советских солдат и офицеров, дошедших до Берлина из-под Москвы, Сибири, Дальнего Востока, Украины, Кавказа.



Руины Рейхстага в конце войны



Надписи советских воинов на Рейхстаге. Май 1945 года



День Победы в Берлине в 1945 году

В нашем госпитале тоже радостно отметили День Победы. Горестно было вспоминать друзей и товарищей, не доживших до этого светлого дня.



Удостоверение к медали за участие в штурме и взятии Берлина

Вскоре после подписания фашистской Германией Акта о полной капитуляции по договоренности с союзниками в Берлине были организованы четыре оккупационные зоны: советская – в восточной стороне города, американская, английская и французская. Границы между оккупационными зонами Берлина тогда не было. И гражданские и военные могли свободно перемещаться как пешком, так и на машинах из одной зоны в другую. Несколько лет спустя, точнее в 1948 году, были созданы ГДР, Западный Берлин как самостоятельная административная единица и ФРГ.



Удостоверение к медали за победу над Германией

С 15 августа 1961 года по 9 ноября 1989 года между ними находилась знаменитая стена с чрезвычайно строгим пограничным контролем. Когда спустя четверть века после окончания войны мне довелось участвовать в научном конгрессе в ГДР, я имел возможность прогуляться по обе стороны «Берлинской стены». С моим советским паспортом меня свободно пропустили в Западный Берлин. Позднее, в 1990 году, как известно, была создана единая Федеративная Республика Германия (ФРГ).



Сохранившийся участок «Берлинской стены»

9 мая 2010 года я был в Москве и вместе с ныне покойной сестрой присутствовал на праздничном концерте в Доме Ученых на Кропоткинской улице. В заключение концерта хор исполнил «День Победы», а аккомпанировал на рояле сам Давид Тухманов. При выходе из Дома Ученых, недалеко от входной двери, я увидел Давида Фёдоровича Тухманова и осмелился подойти к нему. Я поблагодарил его за созданные им прекрасные песни, отметив, что «День Победы» для ветеранов (я был при орденах и медалях) все равно, что «Марсельеза» для французов. Указав на свой возраст, я пожелал ему еще лет 20 плодотворной творческой деятельности. В тот год он отмечал свой семидесятилетний юбилей. Поблагодарив меня за все добрые пожелания и улыбнувшись, Давид Тухманов вскоре уехал на подъехавшей за ним легковой машине. Из многих песен на военно - патриотическую тему («Катюша», «Землянка», «Темная ночь» и др.) «День Победы» мне представляется наиболее выдающимся произведением. «День Победы порохов пропах...Это праздник с сединою на висках..Со слезами на глазах.. Этот праздник приближали как могли..» (музыка Д. Тухманова, слова В. Харитонов).



Композитор Д. Тухманов за роялем

Все участники войны были награждены памятной медалью.



Медаль "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ

После окончания войны количество раненых, находившихся в нашем 180-м ХППГ, постепенно сокращалось. Их большую часть эвакуировали в тыл, перенесших лёгкие ранения возвращали в свои части. Несколько раз госпиталь менял своё расположение. Последний раз мы находились в городке Фюрстенвальде.

Осенью 1945 года меня перевели в терапевтический госпиталь на должность зав. отделением.

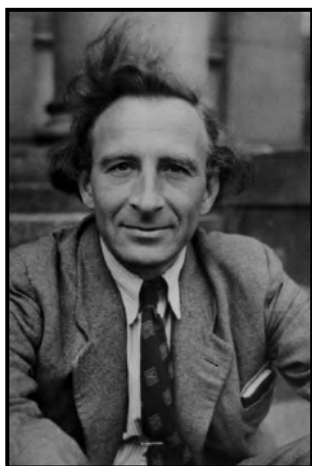
Возвращаясь к своим воспоминаниям о пребывании в Берлине, хотелось бы отметить, что в центре города, у знаменитых Бранденбургских ворот создалась своего рода торговая «толкучка». Американские, английские солдаты и офицеры продавали всевозможные вещи, а советские и французские военнослужащие, в основном, покупали. Основную массу на «толкучке» составляли немцы, которые что-то покупали и что-то продавали. При мне был случай, когда на легковой машине подъехал американский офицер, вытянул через окно обе руки, на которых было по 5 - 6 штук наручных часов различного производства и предлагал их купить. Для интереса я спросил, по какой же цене он их продает. Он ответил, что для них, то есть немцев - пять тысяч марок, а для Вас - по четыре тысячи. Я поинтересовался, что он сделает с вырученными за продажу деньгами? Он ответил: «Обменяю на доллары и куплю в Америке дом». На меня это произвело сильное впечатление, ибо нам зарплату в немецких марках вообще не выдавали, а выдавали только в советских рублях на территории СССР родным или близким по соответствующим аттестатам. Мою зарплату перечисляли матери с сестрой и жене с дочкой примерно поровну. Военнослужащим выдавали все бесплатно, в том числе офицерский паек. Продавать же мне было нечего.

Однажды начальник госпиталя предложил мне собрать небольшую библиотеку русских книг, из тех, что печатали немцы для угнанных советских граждан. Среди издававшейся профашистской литературы встречались и произведения классиков. С целью поиска этих книг мне была предоставлена машина с шофёром и командировка на несколько дней в Берлин. Поиски в нашей зоне были не очень успешными, так как русские уже всё разобрали. Искал я книги, преимущественно, в тюрьмах. Легче было найти книги в зонах оккупации союзников. Как - то в американской зоне у нас не хватило бензина, так нам налили

целый бак американские военные и мы приехали к себе с большим запасом бензина. Вообще, после окончания войны отношения между американцами и русскими были очень дружественными. Нередко мы обменивались сувенирами. Иногда устраивались совместные трапезы, так как у наших всегда была водка, а у американцев - консервы, колбаса, сыр.

Вспоминается следующий эпизод. Как-то на «толкучке» перед Брандербургскими воротами советский военнослужащий покупал у англичанина часы. Возможно, они не поняли друг друга, начался спор, затем драка. Подошедшие красноармейцы начали заступаться за своего, а англичане, подошедшие к тому времени, за своего. Увидели это американцы и начали бить...англичан! Это был не единичный случай, когда американцы вступали в защиту русских по самым разным поводам.

В больничном городке Бух, где располагался наш 180 ХППГ, находился Институт мозга им. Фогта, известного немецкого невропатолога. Я побывал в этом институте. Никого из людей не было видно. В шкафах и на столах стояли стеклянные банки с черепами и другими препаратами. Спустя 60 лет мне удалось побывать в этих местах уже в качестве туриста. Найти помещение, где располагался наш госпиталь, мне не удалось. На здании



Института имени Фогта висела мемориальная доска «Здесь работал выдающийся советский учёный биолог - генетик Николай Владимирович Тимофеев - Ресовский (1925 – 1945 гг.)». Ему был посвящен роман «Зубр» известного писателя Даниила Гранина, в котором автор излагает научные заслуги и необычную судьбу Н.В. Тимофеева – Ресовского.

Николай Владимирович Тимофеев - Ресовский

Я посетил Институт мозга. Меня любезно встретили его сотрудники, показали научные лаборатории и рассказали об их работе, затем проводили до машины.



«Дом Тимофеева-Ресовского» в кампусе Берлин-Бух

Возвращаясь к воспоминаниям о военных годах, хотелось бы рассказать о начальном периоде моей работы в госпитале в 1943 году в качестве ординатора. Как-то начальник отделения Л. поручила мне сделать доклад на врачебной конференции о проникающих ранениях грудной клетки, ибо этих больных находилось тогда в госпитале немало. Я сделал выписки из истории болезни этих раненых, так как начались наступательные операции, госпиталь перемещался с одного места на другое и из-за большого потока прибывающих раненых было не до конференций. Вскоре о моём докладе забыли, но я продолжал интересоваться ранениями грудной клетки, тщательно обследовал этих раненых и делал соответствующие выписки. Иногда приходилось этим заниматься даже по ночам, ибо транспортабельных раненых быстро отправляли в тыловые госпитали. Я научился не только удалять осколки снарядов и пуль из тканей грудной клетки, отсасывать кровь из плевральной полости, но и оперировать при открытом пневмотороксе, когда воздух поступал через раневое отверстие.

Проникающие ранения грудной клетки протекали обычно очень тяжело, но своевременно оказываемая помощь давала хороший

лечебный эффект. Нередко эти раненые даже возвращались в строй, иногда с повторными ранениями поступали в наш госпиталь. Я их обследовал и выявлял остаточные проявления перенесенного ранения.

После окончания войны я имел возможность выезжать в другие госпитали и медсанчасти танковых корпусов для обследования и изучения отдаленных результатов проникающих ранений грудной клетки. Таким образом, у меня собрался солидный клинический материал - мною было обследовано 450 раненых. Эти наблюдения могли быть оформлены в виде кандидатской диссертации, но для этого необходимо было ознакомиться с уже опубликованной литературой по этой теме. С целью изучения литературы я несколько раз посетил библиотеку клиники «Шарите», просматривал журнал «*Militär Arzt*» («Военный врач») и отдельные уцелевшие книги.

Я обратился за помощью к секретарю ученого совета ГВСУ (Главное военно – санитарное управление) Красной Армии Ю.В. Другову с просьбой о предоставлении отпуска для завершения работы над диссертацией. Юрий Васильевич Другов сообщил мне в ответном письме, что для получения отпуска необходимо заключение главных хирургов армии и фронта. Получение отзыва от армейского хирурга Ильченко не составило больших трудностей, так как штаб армии находился относительно недалеко от госпиталя. Для получения заключения фронтового хирурга надо было ехать в Потсдам, где располагался штаб фронта.

Сегодня добраться из Берлина в Потсдам можно за 40 - 60 минут автобусом или поездом, а в годы войны я добирался попутными машинами, голосуя, в течение целого дня. В штабе фронта мне указали, где находится квартира, в которой расположился Главный хирург фронта, генерал - майор профессор Виталий Ильич Попов. Дома его не оказалось, я остался ждать его возвращения в подъезде, на лестнице. Около 2 часов ночи Попов приехал и сразу же принял меня, посмотрел мои записи, составленные таблицы. Особенно его заинтересовало воздействие предложенного им самим противошокового раствора Попова, а также эффект вагосимпатической блокады. Написал своё положительное заключение, и утром я его заверил в штабе фронта. К вечеру я возвратился к себе.

Лишь спустя несколько месяцев, с большими трудностями, осенью 1946 года я получил творческий отпуск на 3 месяца и уехал в Москву. Научным руководителем моей кандидатской диссертации на

тему «Проникающие ранения грудной клетки» стал профессор Исаак Соломонович Жоров, у которого я учился в мединституте и с которым встречался на фронте.



На лекции проф. Жорова. На передней скамье А.М. Ногаллер



Профессор И.С. Жоров

В 1947 году я успешно защитил диссертацию в 1-м Московском мед. институте им. И.М. Сеченова.

Возвращение в Москву заслуживает специального описания. Регулярного пассажирского сообщения никаким видом транспорта в то время ещё не существовало. До Берлина я добирался на попутных машинах методом «голосования», т.е., путем поднятия руки на автодороге. В Варшаве я нашел поезд, который отправлялся в Москву. Билетов в то время не продавали и весь поезд был заполнен демобилизованными военнослужащими. Войти через дверь мне не удалось, пришлось влезть через окно, а вещи мои остались на платформе. Хорошо, что носильщик, помогавший мне, оказался честным, и все вещи передал также через окно. Особенно

радовался я сохранности рукописи диссертации, записей историй ранений и других черновых материалов, заполнивших два чемодана.

По территории Польши поезд двигался очень медленно, подолгу останавливаясь в пути или на различных станциях. Запомнился следующий эпизод. Поезд долго стоял на станции, а по платформе ходил польский офицер в военной форме, руководивший отправкой эшелонов. Кто-то из советских офицеров затеял с ним спор, требуя отправки нашего поезда. Спор легко мог перейти в драку. Тут польский офицер сказал примерно следующее: «Давай вступим в кулачный бой. Если ты победишь, то я вне очереди отправлю ваш эшелон. Если я одержу победу, то поезд будет дожидаться своей очереди на отправку. Однако имей в виду, что я из Сибири!». Разговор шел, естественно, на чистом русском языке. Советский офицер решил не рисковать и перестал спорить.

При таможенном контроле на Белорусском вокзале в Москве для проверки на неделю задержали привезенные мною немецкие медицинские книги, нет ли в них фашистской пропаганды. Когда я пришел за своими чемоданами, работница таможни указала мне на находившийся среди книг кинжал, на котором было написано «Blut und Ehre» (кровь и честь). Она спросила, зачем мне кинжал, ведь это холодное оружие и его провозить нельзя. Я честно сказал ей, что у меня дома печное отопление и для растопки всегда необходимо из дров ножом делать щепки. Работница таможни посмотрела на мой «грозный» вид в очках, на обилие книг и разрешила взять с собой кинжал. В наше время, вероятно, меня бы посчитали террористом и отправили бы в полицейский участок.

За время моего 3 - х месячного отпуска, я начерно окончил оформление диссертации. Вскоре я прошел военно - врачебную комиссию. Там я показал свое свидетельство о близорукости. После контрольной проверки комиссия единодушно решила меня демобилизовать, тем более, что к этому времени шло массовое увольнение из армии. На этом моя деятельность в качестве военного врача закончилась.

Как-то раз, в канун праздника День Победы меня пригласили в одну из рязанских школ поделиться своими воспоминаниями о войне. Я был, естественно, при всех орденах и медалях на пиджаке. Один из мальчуганов спросил меня, за что я получил свои ордена. Я ответил, что орден Красной Звезды я получил за боевую операцию по освобождению столицы Польши

Варшавы, а орден Отечественной войны 2 - й степени - за овладение Берлином. Тогда мальчуган поинтересовался, что именно Вы совершили? Я ответил, что просто хорошо лечил раненых и больных в госпитале. На лице мальчугана выразилось глубокое разочарование, которое я помню уже более 70 лет. По его представлениям, основанным на просмотре кинофильмов и телепередач, подвигом является какой-либо героический поступок. А в данном случае рассказчик из пушки не стрелял, бомбы с самолёта не бросал, ни одного немца не убил, а все же был награжден орденами и медалями. Какой же это героизм лечить раненых!

Привожу выписку из этого документа, как бы в оправдание перед мальчуганом: «Капитан м/с Ногаллер Александр Михайлович работал начальником госпитального отделения 180 ХППГ 2-й гв. танковой армии. За последнюю операцию принял, обслужил и эвакуировал более 2,5 тысяч раненых. Одновременно пребывало в стационаре более 800 человек тяжело и средней тяжести раненных. Хорошо организованным уходом, медицинским обслуживанием и надлежащим рациональным питанием и лечением спас жизни многим раненым. Без устали денно и ночью проводил у постели раненых».



Оказание первой медицинской помощи медсестрой на передовой

У меня случайно сохранились опубликованные материалы о деятельности медиков в годы войны. В тяжелейших условиях маневренной войны, отступлений и наступлений, медики сумели

возвратить в строй более 72% раненых и 90,6 % больных, спасли около 10 миллионов советских воинов. Только в составе армейских и фронтовых медико - санитарных учреждений было около 200 тысяч врачей , более 500 тысяч фельдшеров и медсестер. Подготовка последних, а также санитаров, осуществлялась не только на базе медучилищ, но и на краткосрочных РОККовских курсах (Российское общество Красного Креста) обычно из числа добровольцев. Удалось развернуть более 2 тысяч госпиталей и более 1 миллиона коек. При этом лишь более половины имевшихся в стране военно - полевых госпиталей в период отступления советских войск удалось сохранить и эвакуировать. Много тысяч медицинских работников было ранено или погибло в годы войны. Была сформирована стройная система организации медицинской помощи от батальонных и полевых медпунктов, медсанбатов, до армейских и фронтовых госпиталей и эвакуприёмников с долечиванием в тыловых учреждениях , осуществляя преемственность лечения. Действовала чёткая система сортировки раненых, оказания специализированной помощи и эвакуации больных. До войны в СССР было 12 тысяч хирургов - специалистов разного профиля , а 80% из всех работавших врачей обучились оперативному мастерству уже в ходе войны.

Трудовой подвиг медиков был отмечен правительственными наградами - более 116 тысяч награждено орденами и медалями, а 47 человек получили высшее звание - Героя Советского Союза.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ВСТРЕЧИ ВЕТЕРАНОВ.

О ДРУЗЬЯХ – ТОВАРИЩАХ

В первые послевоенные годы не было встреч ветеранов, ибо время было трудное. В стране сохранялась карточная система, все товары были в дефиците. Но народ находился в бодром настроении, часто употреблялось выражение «Всё хорошо, лишь бы не было войны». После демобилизации из армии в 1946 году я иногда встречался со своими однополчанами. Особенно запомнились встречи с бывшим начальником штаба 703 ИПТАП Афанасием Степановичем Антоненко и командиром одной из батарей артиллерийского полка Лебедевым. Мы вместе посетили Музей вооруженных сил СССР, где сфотографировались у Знамени Победы, которое было водружено над Рейхстагом при окончании войны.



**У Знамени Победы. Музей Вооруженных Сил СССР. Москва.
Справа налево: А.С. Антоненко и А.М. Ногаллер**

Этот музей мы посещали также во время встреч ветеранов 2-й танковой армии.



Группа ветеранов у Знамени Победы

Иногда мне удавалось встретиться с бывшими ветеранами в Ленинграде, Казани, Свердловске, Тбилиси и других городах.

В период известного «дела врачей – убийц» я был переведён в 1951 году из Москвы в Пятигорский Бальнеологический институт. Там я работал в Ессентукской клинике, где собрал материал для будущей докторской диссертации.

Группа ветеранов у памятника Кутузову в Москве



Затем я был избран заведующим кафедрой внутренних болезней Астраханского медицинского института (1959 - 1967), а с 1967 года заведовал кафедрой общей терапии Рязанского медицинского института им. И.П. Павлова.

Лишь после переезда в Рязань я смог принимать участие в регулярных встречах ветеранов второй танковой армии. Совет ветеранов организовывал 9 Мая и в День танкиста (в сентябре)

встречу в Саду им. Баумана, близ Курского вокзала. Первые годы это было особенно трогательно и впечатляюще. Позднее, многие предпочитали не вспоминать былое, а говорить о своих заботах и болячках. Встреча начиналась, обычно, 8 мая с посещения Новодевичьего кладбища, где захоронены командарм маршал бронетанковых войск С.И. Богданов, начальник штаба Армии, позднее начальник военных училищ министерства обороны СССР генерал - полковник А.И. Радзиевский, командиры корпусов.



А.И. Радзиевский проверяет готовность к бою своей части



Генерал А.И. Радзиевский

Во время встречи ветеранов в Саду им. Баумана были речи, приветствия, выступления профессиональных актёров, концерты самодеятельности. В первое время встречи продолжались весь день, вечером - в ресторане. Запомнились встречи не только общими разговорами и воспоминаниями, но и песнями, которые все пели хором. Впечатление от любимых фронтовых песен «День Победы», «Тёмная ночь» или «Брянский лес», «Враги сожгли родную хату», «Эх, дороги» и других было сильнее, чем от исполнения этих песен профессиональными артистами со сцены или по радио.

Ветераны пели медленно, с большим чувством, искренне и задушевно, вспоминая пережитое. У некоторых женщин появлялись слёзы. А когда пели песню Яна Френкеля и Расула Гамзатова «Мне кажется, порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей, не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей..» - каждый вспоминал с горечью погибших однополчан и думал о своей судьбе на ближайшие годы.

В более поздние годы после перестройки, повышения цен и ухудшения здоровья ветеранам было уже не до ресторанов. Поэтому, после окончания торжественной и художественной части ветераны собирались группами по интересам или давнему знакомству. В юбилейные годы откуда-то привозили полевую подвижную кухню - котёл и угощали ветеранов пшенной кашей со 100 граммами водки. Как-то ко мне подходит один из организаторов встречи, оказавшийся начальником отдела культуры исполкома Бауманского района. Он говорит мне: «Вы из 180-го госпиталя? То-то я смотрю, лицо знакомое. Вы меня оперировали в этом госпитале и спасли мне жизнь». Эти слова мне хорошо запомнились, значит и труд медиков

был важен для победы, для сохранения здоровья и жизни. Всё это, в принципе, хорошо известно, но когда это тебе лично говорят - это даёт большое моральное удовлетворение от сознания не зря прожитой жизни. Кто знает, если бы мы в своём 180 - м госпитале не спасли жизнь этому раненому, не будь он начальником Сада им. Баумана, могли бы ежегодно проводить в нём встречи ветеранов? Любой другой начальник мог бы отказать бесплатно предоставлять место для проведения встреч, найдя для отказа множество причин.

В Совете ветеранов 2-й танковой Армии медицинскую часть представляли Нина Герасимова и Валя Заушицина. Они оформляли нам поздравления с праздником, приглашали на встречи, знакомили многих из нас друг с другом. Нина Герасимова в годы войны была медсестрой, затем закончила юридический факультет Высшей школы МВД, стала подполковником, награждена многими орденами и медалями. Валя Заушицина долгие годы работала врачом и после войны рано овдовела. Бывший врач 12-го корпуса Трескунов после войны защитил диссертацию по гастродуоденитам, успешно работал в Черноголовке близ Москвы, увлёкся фитотерапией, выпустил ряд книг на эту тему. С москвичами - врачами и медсёстрами военных лет имелась возможность видаться относительно часто, но из других городов ветераны приезжали всё реже и реже.



**Удостоверение к памявному знаку
Ветерана 2-й Гвардейской танковой армии**

В 1985 году, в год 40 - летия Победы Совету Ветеранов нашей Армии удалось организовать специальный железнодорожный состав для поездки по местам боевой славы. Многих к тому времени уже не было в живых, другие не могли принять участие по состоянию здоровья, но всё же вместе с родными набрался целый поезд ветеранов только из нашей Армии. Сбор был в Москве, а потом по специально разработанному маршруту мы побывали в городах и станциях, в освобождении которых от врагов принимала участие 2 - я гвардейская танковая Армия: Курск, Поньри, Харьков, Умань, Одесса, Киев, Львов, Минск, Брест с его знаменитой Крепостью, оказавшей героическое сопротивление фашистам в течение первых месяцев войны. Почти всюду встречали нас духовым оркестром, цветами, устраивались короткие митинги, концерты, мы посещали братские могилы, возлагали венки. Потом были экскурсии по достопримечательностям города, встречи с местными ветеранами на дружеских вечерах или обедах. Оплачивали эту поездку сами ветераны, но со значительной скидкой. Во время поездки было много воспоминаний, бесед со старыми и новыми знакомыми, отчётливо проявилось фронтовое братство.

Последний раз на встрече ветеранов в Москве в Саду им. Баумана я был в 2010 году. На этой встрече я был вместе с дочерью и внуком погибшего в Уваровке однополчанина Владимира Ковалёва. Среди участников так называемой «встречи ветеранов» были, в основном, местные жители с детьми. Участников войны было уже не много. Из знакомых мне лиц я встретил только упоминавшегося выше врача Трескунова.

Я уже упоминал выше, что большинство военнослужащих нашего 180-го ХППГ были с Урала, главным образом из Асбеста. В 1968 году при возвращении из научной командировки в Новосибирск, я решил посетить Свердловск (Екатеринбург) для встречи с ветеранами, проживающими недалеко. Я заранее списался с Борисом Николаевичем Головизниковым, который какое-то время работал в нашем госпитале бухгалтером. В послевоенные годы он был главным бухгалтером областной больницы, поддерживал контакт со всеми нашими девочками, проживающими на Урале. Собралось около 30 человек, включая детей, мужей и других родственников наших однополчан. Мы рассказывали о своей жизни в послевоенный период, о судьбах общих знакомых, вспоминали боевой путь 2-й гвардейской танковой

Армии и нашего госпиталя, пели фронтовые песни. Незаметно пролетело время в ресторане, и надо было разъезжаться, хотя и не хотелось расставаться, ведь это была не только встреча друзей по общему делу, но и возвращение в годы молодости. В памяти сохранились, преимущественно, имена, хотя присутствовали уже солидные седые дамы, многие ставшие бабушками. Они охотнее говорили о внуках, чем о забытых годах своей юности.

Особенно мне запомнились Соня Григорьева, Лена Бабичева, Клава Старицына, Клава Бокшаева, Аня Ширяева, Ира Лебедева (все указанные фамилии - девичьи).

Теперь мне бы хотелось кратко упомянуть о послевоенной судьбе некоторых однополчан. Как поётся в песне «Где же вы теперь, друзья - однополчане, боевые спутники мои?».

Начну с рассказа о моей супруге Медовой (Ногаллер) Марианне Лазоревне. После демобилизации из армии она возвратилась в Москву и вскоре начала снова работать в 1-м Московском мед. институте им. Сеченова, ассистентом на кафедре нормальной анатомии. В 1952 году она защитила диссертацию на ученую степень кандидата мед. наук. В связи с моими переездами Марианна работала в дальнейшем ассистентом в Пятигорском фармацевтическом институте, в Астраханском и Рязанском медицинском институтах. В 1944 году она родила дочь Анну, а в 1951 году - сына Владимира.



Семья Ногаллер, 1960 г.

К большому сожалению, уже в 1978 году жена тяжело заболела - водянка головного мозга, многие годы была прикована к постели и умерла 8 мая 2006 года. Из встреч с другими однополчанами останюсь на довольно длительном общении с бывшим командиром батареи 703 ИПТАП М.В. Мартемьяновым, когда я жил в Астрахани (1959 - 1967 годы). Михаил Владимирович Мартемьянов был обычно уравновешен, выдержан, дружелюбен. К концу войны он был награждён многими орденами. До войны был учителем физики в сельской школе.

В 60 - х годах, когда я заведовал кафедрой терапии в Астрахани, поместил заметку в областной газете о профилактике острых кишечных заболеваний. Вскоре получаю письмо из редакции о том, что меня разыскивают и спрашивают, не тот ли автор статьи Ногаллер, который служил в 703 ИПТАП. Сообщили адрес Михаила Владимировича Мартемьянова, которому я тут же написал. Мы не раз встречались с ним в Астрахани, а затем в его селе на Волге, севернее Енотаевска, где он преподавал в школе. Жена его тоже была учительницей, у них было двое сыновей: старший родился еще до войны, младший был школьником. Михаил рассказывал мне свою необычную историю. После освобождения Кёнигсберга (ныне Калининград), в котором принимал участие и 703 ИПТАП, Мартемьянов вместе с товарищами отмечал победу в ресторане. Там же была и группа советских танкистов во главе с полковником. Разгорелся спор, затем ссора, оскорбления (мол, артиллеристи ничего путного в борьбе с фашистскими танками не совершили..) и Мартемьянов выстрелил в полковника, прострелив, по его словам, полковничью папаху (а может быть и не только папаху). Короче, суд военного трибунала лишил его всех наград, разжаловал в рядовые и сослал в Воркуту, где он пробыл в лагере около 8 лет. Михаил рассказал мне о лагерной жизни такие ужасы, по сравнению с которыми изложенные в повестях и романах Солженицына эпизоды кажутся лишь страшилками из детской сказки. После освобождения Мартемьянов вернулся в родные места, но вскоре умер относительно молодым.

О профессоре И.С. Жорове, моем учителе и главном хирурге фронтовых эвакогоспиталей, я уже упоминал выше. В послевоенные годы он заведовал одной из хирургических кафедр 1-го Московского мед. института. Я встречался с ним в связи с работой над

диссертацией и часто навещал его дома, познакомился с его женой, сыном и дочерью. Исаак Соломонович Жоров был всегда очень энергичным и деловым, доброжелательным и приветливым. У меня сохранился ряд его книг с дарственной надписью. Добрую память о нём я храню всю свою жизнь. С бывшим начальником военно-санитарной службы 2-й танковой Армии я встретился во время встречи ветеранов в саду им. Баумана. Вместо грозного когда-то начальника, гвардии полковника, увешанного орденами и медалями, на скамеечке сидел старичок с палочкой, а вокруг сидят или стоят около десятка уцелевших медработников 2-й танковой Армии.



Встреча медработников 2-й Гвардейской Танковой Армии. В центре - бывший начсанарм полковник Чеботарёв. Москва, 1985 г.

О начальнике госпиталя Николае Григорьевиче Чельшеве я уже писал. Он был доброжелательным человеком, хорошим, грамотным врачом, но злоупотреблял приёмом спиртного. В конце 1943 года его перевели в какую-то другую часть. После войны судьба его сложилась печально. В связи с запоями он работал в маленькой сельской больнице под Москвой. Как-то зимой, возвращался нетрезвым домой один, упал, пролежал долго в снегу, отморозил обе

ноги и вскоре умер. К тому времени меня уже не было в Москве и об этом печальном событии мне рассказали лишь спустя 25 лет.

Последние два года начальником госпиталя был С.Я. Розенталь, невысокий полный мужчина в годах, как мне тогда казалось, лет под пятьдесят. До войны он был главным врачом санатория или курорта в Крыму. Он был хорошим администратором, строгим и требовательным, быстро и глубоко вникавшим в суть проблемы. Запомнилось его выражение «О порядке и культуре в госпитале (больнице) надо судить не по операционным, а по чистоте уборных». Любимым его выражением была также фраза «Ты не пуп земли», когда хотел подчеркнуть, что надо думать не только о своих интересах. При нём наш 180 - й госпиталь был награждён орденом Красной Звезды, что очень редко присуждалось всему коллективу. После войны он уехал работать куда - то в Прибалтику и дальнейшая его судьба мне не известна. Говорили, что вскоре после войны он скончался.

Комиссаром, затем замполитом госпиталя была женщина по фамилии Гроза. Её характер соответствовал фамилии. Она была очень деловой и требовательной, вникала во все мелочи и, естественно, часто конфликтовала с начальником госпиталя. Мы все её побаивались, уважали, но особой симпатии к ней не испытывали.

В последний период работы госпиталя его главным хирургом был назначен Виталий Михайлович Тетерин, ранее заведовавший первым хирургическим отделением. Тетерин был опытным хирургом, я работал в его отделении и обязан ему всей своей хирургической деятельностью, ибо он обучил меня не только операциям по поводу ранений, но и удалению аппендикса и грыж. После войны его судьба осталась мне неизвестна.

Среди медицинских сестёр мне наиболее запомнилась москвичка Валя Никитина. В первые послевоенные годы я и моя жена поддерживали с ней контакт. Как-то нам пришла в голову мысль познакомиться её с нашим сокурсником Борисом Ерёменко. У Вали к тому времени была уже двухлетняя дочка. Оказалось, что Боря и Валя подошли друг другу. Боря удочерил девочку, хорошо к ней относился и очень гордился её успехами. Она даже внешне была на него похожа. Валя окончила заочно экономический институт. Борис работал в Центральном институте курортологии, защитил кандидатскую диссертацию. Приезжая в Москву, я иногда виделся с

ними. Их брак, благодаря моему сватовству оказался удачным, прожили они вместе более 30 лет, а затем я потерял их из виду в связи с их переездом на другую квартиру.

О Вахтанге Викторовиче Метревели, который работал со мной в одном отделении у Тетерина, я уже не раз вспоминал. Он был на пару лет старше меня, среднего роста, средней комплекции, с усами, говорил с грузинским акцентом и не всегда правильно по-русски, вроде «кровь течет струём» или вместо «кость неправильно срастается» - «кость неправильно идёт». Мы с ним жили дружно, иногда шутливо обзывая друг друга «бегемот», «бизон» или чаще обобщенно «бизбег». Он собирал материалы для диссертации, подобно мне, но по проблеме газовой гангрены. Однако использовать свои записи в дальнейшем ему не удалось и диссертацию он защитил после войны на какую-то другую тему. Как-то я съездил в Тбилиси на конгресс или оппонентом по диссертации, сообщил о своём приезде Метревели. По полю аэродрома навстречу мне шел, как мне показалось, сам Сталин - та же фигура, походка, усы, неторопливая речь с акцентом. Жаль, что мы не сфотографировались тогда вместе, мог бы в дальнейшем выдавать это как встречу с великим вождём. Познакомился я с его женой - грузинкой, которая в относительно молодом возрасте умерла. Вахтанг написал мне о своем вдовстве, затем постепенно наши связи прекратились.

Хотелось бы помянуть добрым словом Романа Моисеевича Козочинского, бывшего у нас одно время главным хирургом госпиталя. До войны он работал в клинике известного в Ленинграде хирурга Заблудовского. Козачинский был всегда доброжелательным и помогал нам в хирургической работе, одобрительно относился к моим научным наблюдениям по проникающим ранениям грудной клетки. Здоровья он был слабого, перенес операцию резекции желудка и вскоре, еще до окончания войны, его демобилизовали. После войны, приезжая в Ленинград на съезд терапевтов, я навещал его дома, мы долго беседовали, вспоминая военные будни.

Короткое время в нашем госпитале работала Ольга Александровна Нарычева, чуть старше меня, но уже поработавшая раньше хирургом. И после войны она еще долго работала хирургом в больнице МПС в Москве. Мы часто с ней встречались в праздник Победы, когда я приезжал в Москву. Семейная жизнь у неё не сложилась, она осталась одинокой, компенсировав это тем, что объездила как турист весь мир.

Она часто представляла на различных заседаниях ветеранов войны, нередко приглашалась даже на Красную площадь во время демонстраций и военных парадов. Я часто с ней общался по телефону, даже после отъезда из России, но последние годы телефон перестал отвечать, вероятно, ее уже нет в живых.

Ряд воспоминаний о войне и боевых соратниках изложен в моей книге «Фрагменты XX - го столетия» (Рязань, 2002. 285 с.) и в книге «ДИНАСТИЯ. Вып.5. НОГАЛЛЕР» (составитель Н.А. Козеевская, под редакцией д.м.н. проф. Р.Е. Калинина и д.м.н., проф. В.А. Кирюшина. Рязань, 2015. 302 с.).



Профессор А.М. Ногаллер и Н.А. Козеевская на юбилее в честь 95-летия А.М. Ногаллера (Мюнхен, 22 мая 2015 г.)

Нет возможности вспомнить всех своих бывших однополчан. Всякая война, будь она справедливая или освободительная, гражданская, межнациональная или межгосударственная всегда сопровождается многочисленными человеческими жертвами и

потерями. Как говорит русская поговорка «Худой мир лучше доброй ссоры».

В послевоенные годы сложились добрые отношения между СССР, а затем Россией, с одной стороны и ГДР, а затем и ФРГ - с другой, как на государственном уровне, так и на бытовом. Тысячи людей переселились из России в Германию, интенсивно развивается взаимный обмен туристами. Значительно увеличилось количество смешанных браков, в том числе немцев с русскими, украинцами и другими народами бывшего Советского Союза. На Рождество 2015 года мне довелось побывать в гостях у коренного немца Томаса Петерса в баварском городе Ландсхут, женатого на русской женщине Наталье Мироновой из Украины.



Александр Ногаллер (слева), Наталья Петерс (Миронова - Душина) и Томас Петерс



Ирина Миронова, Александр Ногаллер (в центре), Наталья Миронова в г. Бамберг (Бавария)



Удостоверение к знаку «Фронтовик 1941-1945»

Можно мечтать и надеяться, что, когда –нибудь человечество станет мудрее, войны на земле прекратятся, всюду воцарится мир и добрососедские отношения.



L_207_5094_0004



NOGALLER ALEXANDER
KARWENDELSTR. 33,
KARWENDELSTR. 33,
MÜNCHEN,
DEUTSHLAND
81369

Уважаемый Александр Михайлович!

Примите искренние поздравления со знаменательной датой – юбилеем Курской битвы.

70 лет назад, в сражении на «огненной дуге», решалась судьба Отчизны, будущее Европы и всего мира. Сила нашей армии, нашего оружия окончательно сорвала планы нацистов переломить ход войны.

Эти героические события навсегда останутся одной из самых ярких, незабываемых страниц истории. Здесь, на курской земле, воочию проявились мужество и отвага наших солдат и офицеров, высочайший профессионализм полководцев. В честь беспримерного подвига Ваших боевых товарищей, в Вашу честь – в Москве прогремел первый победный салют.

От души желаю Вам здоровья, благополучия и всего наилучшего.

Президент
Российской Федерации

A handwritten signature in blue ink, appearing to read 'В. Путин'.

В.Путин

Поздравление Президента России В.В. Путина